

Малая серия

**«КНИГИ»
Нижний Новгород**

Комитет по делам архивов
Нижегородской области

Борис ПУДАЛОВ

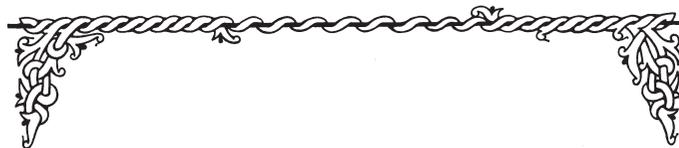
*«СМУТНОЕ ВРЕМЯ»
И НИЖЕГОРОДСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ
В 1608—1612 ГГ.*

Историографический очерк

«КНИГИ»
Нижний Новгород
2011

ББК
УДК 63.3(2)45
П88

Предисловие автора

Борис Пудалов
П88 «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608—1612 гг. Историографический очерк — Нижний Новгород: издательство «Книги», 2011. — 80 с., илл.

ISBN 978-5-94706-101-7 ББК

Новое исследование нижегородского архивиста Б.М. Пудалова посвящено Смутному времени и участию нижегородцев в восстановлении российской государственности. На основании тщательного анализа источников автор восстанавливает хронологию событий, происходивших в Нижегородском Поволжье в 1608—1612 гг.

Книга будет полезна всякому, кто ищет ответа на вопрос: «Что же такое Смута и каковы ее уроки?».

© Пудалов Б.М., текст, 2011

© Издательство «КНИГИ», 2011

ISBN

Подлинные свидетельства о событиях, происходивших в Нижегородском Поволжье в начале XVII в., в так называемое «Смутное время», сохранились фрагментарно. Причины малочисленности письменных источников, по-видимому, объективны: 1) нехватка кадров с опытом канцелярской работы; 2) гибель архивов во время «Большого пожара» в Москве в 1626 г., когда огнем были уничтожены почти все находившиеся в Кремле столичные приказы с их документацией. Поэтому события 1608—1612 гг. приходится восстанавливать по всему комплексу сохранившихся источников — прямым свидетельствам и косвенным упоминаниям (разумеется, после проверки их достоверности).

В начале XVII в. события походов и военные действия принято было фиксировать в «книгах записных» или «разрядах». К сожалению, «записные книги» и «разряды» о действиях нижегородских военных отрядов в 1608—1610 гг. и ополчения под руководством К. Минина и Д.М. Пожарского в 1611—1612 гг. не сохранились или, возможно, не велись совсем. Поэтому основными источниками для реконструкции событий служат грамоты, отписки и сказки, посланные руководителями ополчения, челобитные участников

событий, просивших о пожалованиях и ссылавшихся на собственные заслуги. Большое значение имеют также летописные известия, и в первую очередь сведения «Нового летописца», датируемого 1620—1630 гг. Но в этом случае приходится учитывать, что текст летописных памятников составлялся позже описываемых событий и зачастую редактировался в интересах заказчиков. Среди сохранившихся свидетельств участников событий наиболее важны частные разрядные записи арзамасского дворянина Сидора (Баима) Федоровича Болтина, охватывающие период 1604—1644 гг. и сохранившиеся в составе «Карамзинского (Столярова) хронографа». Наконец, значительные дополнения и уточнения содержат делопроизводительные документы — столбцы Поместного приказа, сравнительно недавно введенные в научный оборот. Почти все известные в настоящее время материалы о событиях Смутного времени в регионе опубликованы. В целом, несмотря на неполноту источников, важнейшие события 1608—1612 гг. удастся восстановить и датировать достаточно надежно.

Хронология событий в Нижегородском Поволжье, происходивших в 1608—1612 гг., реконструирована по всем вышеперечисленным источникам. Учитывая важность хронологической привязки к действующему ныне григорианскому календарю, упоминаемые в источниках даты приведены по «старому» и (в скобках) по «новому» стилям. Следует помнить, что при переводе дат юлианского («старого») календаря на григорианский («новый») для XVII в. необходимо прибавлять 10, а не 13 дней (как для XX—XXI вв.). Если в источниках

указан лишь месяц событий (но нет точной даты), то это указание сохранено (ввиду невозможности перевода месяца на «новый» стиль).

Условно можно выделить три хронологических периода, имевших некоторые особенности расстановки сил в Нижегородском регионе. Обзор событий, происходивших в это время, составляет основную часть книги. Заключительный раздел призван помочь ответить на вопрос: «Что же такое Смута и каковы ее уроки?». Завершает издание перечень важнейших публикаций источников и список наиболее значимых работ о Смутном времени, в свою очередь, содержащих библиографию по теме.

1. БОРЬБА НИЖЕГОРОДЦЕВ ПРОТИВ СТОРОННИКОВ ЛЖЕДМИТРИЯ II

(1608—1610 гг.)

К началу XVII в. Нижний Новгород был, по оценке специалистов, шестым по экономическому развитию городом Русского государства. Как свидетельствуют источники, городской посад насчитывал несколько сот дворов «тяглых», а всего здесь проживало примерно 3—3,5 тыс. человек. Нижний Новгород был центром уезда, насчитывавшего свыше шестисот селений, и фактически главенствовал в регионе, включавшем также самостоятельные Арзамасский и Балахнинский уезды.

Военные события 1605—1607 гг. обошли регион стороной, хотя ситуация вряд ли оставалась стабильной. Судя по сохранившимся документам, в 1605 г. при Лжедмитрии I в Нижнем Новгороде не было воевод (распоряжения правительства адресованы губному старосте Андрею Бардину сыну Глядкову), а в Арзамасе прекращение деятельности местной администрации (в лице городского приказчика Юшана Лобанова) наблюдается между сентябрем 1606 г. и январем 1607 г. По-видимому, в это время на территории Арзамасского, Курмышского и части Нижегородского уездов начи-

нается движение в поддержку «царя Дмитрия Ивановича», в котором приняли участие русские крестьяне, мордва и некоторые местные помещики. Какое-то время волнения удавалось сдерживать, но в 1608 г. обстановка в Нижегородском крае резко обострилась. Правительство царя Васи-

лия Шуйского («боярского царя», избранного на престол Боярской думой, а не Земским собором и потому в глазах многих нелегитимного) становилось все менее популярным. Кризис власти стал очевиден уже в 1606—1607 гг., когда многие уезды России оказались охвачены восстанием под руководством Ивана Болотникова, а в Стародубе-Северском объявился новый самозванец Лжедмитрий II. После похода Лжедмитрия II на Москву и поражения войск Василия Шуйского на Ходынке 25 июня (5 июля) 1608 г. в стране возникло двоевластие: в Московском Кремле находился царь Василий Иванович Шуйский (которому оставались верными только Новгород Великий, Смоленск, Рязань, Коломна и Казань), а в подмосковном Тушино находился «царь Дмитрий Иванович», создавший свой государственный аппарат и рассылавший

Лжедмитрий I.

Портрет начала XVII века

грамоты по городам и уездам России. Города один за другим признавали власть «тушинского царя» и принимали воевод-«тушинцев».

С осени 1608 г. в Среднем Поволжье происходили непрерывные бои между сторонниками Шуйского и тушинцами. Последних сопровождали военные отряды из Речи Посполитой («литовские люди»); тушинцев поддерживали и поволжские народы — татары, чуваша, горная черемиса (марийцы). Тушинские воеводы утвердились в Арзамасе (Ф.А. Киреев) и в Балахне (С. Голенищев); в самом Нижегородском уезде «царя Дмитрия Ивановича» некоторое время поддерживали видные дворяне И.Б. Доможиров и кн. И.Д. Болховской. Между тем сил для отражения всех этих угроз в самом Нижнем Новгороде было мало. Дело в том, что еще весной 1606 г. под предлогом замены воеводы и военных отрядов было сформировано и отправлено на службу в Астрахань и Нижнее Поволжье большое войско во главе с боярином Ф.И. Шереметевым. Основу войска составляли, наряду с московскими стрельцами, нижегородские и арзамасские дворяне (видимо, «служилые города по половинам», то есть половина наличного состава дворянской конницы этих уездов, в то время как вторая половина оставалась в уездах). Не могла оказать поддержки Нижнему Новгороду и Казань: здесь воевода боярин В.П. Морозов, назначенный правительством Шуйского, с трудом отражал натиск тушинцев и поволжских народов. В итоге осенью 1608 г. Нижний Новгород был отрезан восставшими «иностранцами» и тушинцами и оказался фактически в блокаде. 21 ноября (1 декабря) 1608 г. в город был направлен ультиматум из Балахны с призывом

«целовать крест государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси» и с угрозами наказания в противном случае («не дожидаясь болших ратных литовских и русских людей»).

В этих условиях Нижний Новгород сохранил верность московскому правительству. Для управления городом и уездом был впервые создан чрезвычайный орган, условно называемый «Городовой (или «городской») совет». Материалы его деятельности не сохранились (протоколы заседаний, скорее всего, не велись), но о существовании «Городового совета», его составе и полномочиях свидетельствуют отписки из Нижнего Новгорода в другие города о совместных действиях (опубликованы; датируются концом 1608 — началом 1609 г.). В этих документах принципиально новым становится именование местных властей, от которых исходят отписки: вместо традиционного именованья приказной администрации (воевода, дьяк) появляется значительно расширенный перечень лиц, полномочных принимать решения. Перечень включает в себя: 1) «власти» («архимарит Иоиль, и протопопы и попы и дьяконы всего освещенного собору и церковного причета»); 2) «и воеводы, князь Александр Репнин, Ондрей Олябьев, диак Василей Семенов»; 3) «и князи, и дворяня, и дети боярские»; 4) «и иноземцы, литва и немцы, и всякие служилые люди»; 5) «и гости, и земские старосты, и целовальники, и посадские всякие люди». Такой состав лиц, действовавших от имени Нижнего Новгорода, охватывал практически все слои свободного населения — так называемый «мир», который к началу XVII в. включал в себя следующие категории населения:

1) «служилый город», в который входили все «служилые по отечеству» люди уезда, то есть дворяне и так называемые «дети боярские» (низшее провинциальное дворянство), — территориальное военное формирование дворянской конницы (такие отряды составляли основу тогдашнего русского войска);

2) «служилые по прибору», составлявшие местный гарнизон, — русские стрельцы и пушкари, наемная иноземная пехота («служилые немцы», «служилая литва»), а также казаки на государственной службе;

3) городское посадское население — купцы («гости») и ремесленники;

4) крестьяне дворцовых и «черных» (государственных) волостей;

5) духовенство.

Разумеется, все свободное население города и уезда поголовно не могло принимать непосредственное участие в управлении; решения принимали выборные от всех перечисленных социальных слоев. Они-то, наряду с приказной администрацией и церковными властями (их возглавлял архимандрит Печерского монастыря, по сану), и составляли «Городовой совет». Решающую роль в этом совете играло, по-видимому, посадское население: на это, в частности, указывает требование в одном из документов привести в Нижний «торговых людей, нижегородцев и разных городов», которые «ехали в Нижней с товары».

Важнейшим решением «Городового совета» стала готовность Нижнего Новгорода «за государево цареву и великого князя Василья Ивановича Московского крестное целованье помереть, на чем

Вид Нижнего Новгорода в 1639 г.

Репродукция фрагмента гравюры Олеария

ему, государю, крест целовали». Поддержка нижегородцев позволила «Городовому совету» отвергнуть ультиматум Балахны (вскоре после 21 ноября (1 декабря) 1608 г.) и готовиться к ответным действиям. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что в сложившейся обстановке правительство царя Василия Шуйского срочно призвало на помощь «понизовую рать» Ф.И. Шереметева. После затяжных боев в Нижнем Поволжье в 1606 — первой половине 1608 г. эта рать выдвинулась из Царицына в Казань и Чебоксары, присоединив по пути несколько менее значительных отрядов (войско И.Н. Салтыкова, рать боярина кн. И.В. Голицына и окольничего кн. Д.В. Туренина, конвой кн. А.М. Львова, доставившего в феврале 1608 г. из Москвы в Царицын жалованье ратным людям,

и др.). Судя по упоминаниям документов, в отрядах Ф.И. Шереметева видную роль играли нижегородцы Г.Д. Жедринский, С. Кузьминский, Т. Любятинский, В.Ф. Приклонский, М.И. Соловцов, М. Федоров, арзамасцы В.А. Мотовилов, М.Е. Товарищев; нижегородский и арзамасский «служилые города» (наряду с московскими стрельцами и астраханскими казаками) принадлежали к наиболее боеспособной части рати. Боевые действия эти отряды начали уже на территории Казанского, Чебоксарского, Свияжского уездов. Так, осенью 1608 г. отряд во главе с нижегородцем А.Д. Хохловым разбил несколько небольших отрядов тушинцев под Свияжском, в том числе отряд курмышского сына боярского В. Ртищева.

На нижегородском направлении хронология военных действий восстанавливается следующим образом:

22 ноября (2 декабря) 1608 г. — посланный из Нижнего отряд Михаила Ордынцева (стрельцы, служилые немцы и литва) занял оборону на Стрелке и отбил атаки балахнинских сторонников Лжедмитрия II (атаман Тимоха Таскаев «с товарищи»), дав возможность вывезти «запасы» в Нижний Новгород. Благодаря вовремя вывезенному со Стрелки продовольствию город смог подготовиться к длительной осаде. (Об этих и последующих событиях сообщает приводимый в приложении малоизвестный источник — справка о службе Михаила Ордынцева).

25 ноября (5 декабря) 1608 г. — нижегородцы отбили атаку «изменников» (Андрей Сурвоцкий и мордвин Варгодин Качинков «с товарищи»), наступавших, видимо, со стороны Терюшевской волости.

29 ноября (9 декабря) 1608 г. — нижегородцы отбили атаку тех же «изменников», напавших на Нижний Новгород со стороны Московской дороги.

30 ноября (10 декабря) 1608 г. — нижегородцы сумели отразить общий штурм Нижнего Новгорода («был приступ в четырех местах: к Печерским, к Никольским, к Ильинским воротам, да от Балахны»).

1 (11) декабря 1608 г. — к блокированному Нижнему Новгороду с боями пробился отряд во главе с А.А. Микулиным и Б.А. Износковым; в составе отряда была часть нижегородских дворян и служилых иноземцев, московские стрельцы, астраханские казаки, чуваша и башкиры. Столкновения с «воровскими людьми» начались уже за 30 верст от города, и пробиться удалось лишь благодаря действиям нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина, выступившего из города навстречу.

Подмога позволила нижегородцам активизировать действия против тушинцев. «Воеводой в поле и на вылазках», то есть командующим действовавшего из Нижнего Новгорода войска стал Андрей Семенович Алябьев, второй нижегородский воевода (вместо него вторым воеводой стал кн. А.М. Львов).

2 (12) декабря 1608 г. — объединенные отряды сторонников Лжедмитрия II из Балахнинского и Суздальского уездов осадили Нижний Новгород («приходили изменники по Болохонской дороге атаман Тимоха Таскаев с товарищи, да с ним болохонцы и суздальцы и шуяне, и костромичи, и кинешемцы, и юрьевчане, и гороховцы дети боярские и всякие люди с большим нарядом [то есть с пушками] к Нижнему»). Предприняв вылазку,

А.С. Алябьев обратил нападавших в бегство («вышел из Нижнего, дрались под самую Балахну»). В бою между деревнями Копосово и Козино тушинцы были разбиты: «Изменников побили, и наряд, и знамена и набаты поимали и до Балахны топтали, и Балахну взяли». В плен были взяты балахнинский воевода-тушинец С. Голенищев (позднее перешел на сторону Василия Шуйского) и казачий атаман Т. Таскаев (приведен в Нижний и повешен).

5 (15) декабря 1608 г. — Нижний Новгород был атакован со стороны Арзамаса большим отрядом тушинцев во главе с Н. Собакиным, С. Сурвацким, С. Низовцовым и бежавшим из войска Шереметева стрелецким сотником А. Подбельским. Среди «изменников» названы нижегородские, арзамасские и алатырские дети боярские, татары, черемиса, мордва, бортники и «всякие подымные люди» (насиленно мобилизованные). Алябьев вновь предпринял вылазку, закончившуюся полным разгромом тушинцев («Воров наголову побили и воевод воровских и языков поимали болши трехсот человек, а побили и потоптали воровских людей... на пятинатцати вестах и болши...»).

После этой победы направлением главного удара А.С. Алябьев избрал Муром, двинув свое войско по Муромской дороге.

9 (19) и 10 (20) декабря 1608 г. — нижегородское войско под руководством А.С. Алябьева разбило отряд тушинцев у с. Ворсма. В тот же день воевода А.С. Алябьев послал памяти в села Яковцово, Вачу, Пурех с требованием прислать к нему «повинные челобитные» (то есть отказаться от поддержки Лжедмитрия II и признать власть московского правительства Василия Шуйского).

11 (21) декабря 1608 г. — нижегородское войско под руководством А.С. Алябьева разбило отряд тушинцев у с. Павлово. В тот же день воевода А.С. Алябьев посылает отписку в Муром, призывая вернуться под власть московского правительства, и в ряд других городов и сел.

Не позднее 16 (26) декабря 1608 г. — нижегородцы привели к присяге на верность московскому правительству города Ярополч и Гороховец (о чем с тревогой сообщал гетману Яну Сапеге владимирский воевода-тушинец М.И. Вельяминов). Одновременно в Нижний Новгород прислали отписки с изъявлением поддержки города Лух (10 (20) декабря), Кострома (12 (22) декабря), Шуя (21 (31) декабря).

25 декабря 1608 г. (4 января, по новому стилю) — в Нижний Новгород прислана грамота из Москвы от правительства Василия Шуйского с призывом вместе с соседними уездами активизировать действия против тушинцев.

Активизации способствовали и успешные действия рати Ф.И. Шереметева, зимовавшей в Чебоксарах (двигаться к Москве по замерзшим рекам судовая рать не могла). В составе этой рати было немало нижегородцев, принимавших участие в разгроме большого тушинского отряда во главе с курмышанином И. Глядковым и арзамасцем П. Полочаниновым под Чебоксарами 22 декабря 1608 г. (1 января, по новому стилю), а также под Свяжском 1 (11) января 1609 г. и Царево-Кокшайском (ныне Йошкар-Ола) в конце января 1609 г. Вместе с тем, известно, что непопулярность Василия Шуйского и «воровские» настроения способствовали бегству из войска Ф.И. Шереметева части служилых

людей. Так, в декабре 1608 г. «побежали» к тушинцам часть арзамасских дворян во главе с С.В. Родионовым и с головой «служилого города» Ф.В. Левашевым (впрочем, последний уже в январе 1609 г. переметнулся на сторону В. Шуйского). Но в целом обстановка была благоприятной для наступательных действий, и в начале января 1609 г. воевода А.С. Алябьев, головы А.А. Микулин и Б.А. Износков с войском вновь выдвигаются из Нижнего Новгорода по направлению к Мурому.

7 (17) января 1609 г. — нижегородское войско А.С. Алябьева наголову разгромило у с. Богородское отряд тушинцев во главе с воеводами кн. С.Ю. Вяземским (бывший пермский воевода, позднее повешен в Нижнем) и Т. Лазаревым. Около 40 арзамасских дворян во главе с Ф.В. Левашевым целовали крест на имя Шуйского и пополнили войско А.С. Алябьева.

14—16 (24—26) января 1609 г. — нижегородское войско А.С. Алябьева продвинулось к Мурому (передовой отряд находился в 20 верстах от города). В это время владимирский воевода-тушинец М.И. Вельяминов настойчиво просил у гетмана Я. Сапеги подмоги, справедливо видя угрозу не только Мурому, но и Владимиру.

В конце января — феврале 1609 г., судя по отдельным упоминаниям, А.С. Алябьев вынужден был послать часть сил под Арзамас, контролируемый тушинцами. По дороге в с. Кадницы нижегородцы разбили тушинский отряд, захватив его воеводу И. Кологривова и казачьего атамана И. Телякова, затем сожгли посад Арзамаса и вернулись под Муром. Одновременно по взаимной договоренности с нижегородским «Городовым со-

ветом» развернулись боевые действия «понизовых городов мужиков» (местное ополчение) во главе с костромским сыном боярским Ф. Боборыкиным на территории Шуйского и Суздальского уездов. Бои здесь велись, однако, с переменным успехом: 11 (21) февраля 1609 г. тушинцы были разбиты, но сумели разгромить «мужиков» 17 (27) февраля 1609 г. под Суздалем, а 20 февраля (1 марта) 1609 г. захватили Плесо. В итоге основная боевая нагрузка по освобождению региона по-прежнему лежала на войске А.С. Алябьева, осаждавшем Муром. Примечательно, что это понимал и сам воевода, не подчинившийся указанию правительства В. Шуйского немедленно идти к Москве «с нижегородскою и балахонскою казною» (грамоты от 17 (27) и 18 (28) февраля 1609 г.).

18 (28) марта 1609 г. — в Муроме вспыхнуло восстание против тушинцев; попытка польского ротмистра А. Крупки его подавить провалилась, и назначенный Лжедмитрием II воевода В. Толбузин бежал во Владимир. Жители Мурома встретили нижегородцев «с образы и крест царю Василью Ивановичю целовали».

27 марта (6 апреля) 1609 г. — наиболее боеспособные части войска А.С. Алябьева — московские стрельцы и астраханские казаки во главе с А.А. Микулиным и Б.А. Износковым, дворянские конные отряды нижегородцев во главе с кн. И.Д. Болховским и арзамассцев во главе с Я.С. Прокудиным и Ф.В. Левашевым (всего около 1 тыс. чел.) подошли к Владимиру. В городе вспыхнуло народное восстание, тушинский воевода М.И. Вельяминов был убит, и владимирцы присягнули на верность В. Шуйскому.

2 (12) апреля 1609 г. — находившиеся во Владимире нижегородские отряды вместе с кинешемским и шуйским крестьянскими ополчениями успешно отразили нападение на город польско-литовских отрядов А. Лисовского и Я. Стравинского. Тогда же нижегородцы посылают из Владимира грамоты в Арзамас, Шацк и на Мещеру с призывом перейти под власть московского правительства.

Апрель — май 1609 г. (точная дата неизвестна) — воевода А.С. Алябьев, удерживая Муром и не удаляясь от Нижнего Новгорода до подхода основных сил судовой рати Ф.И. Шереметева, совершил успешный набег на Касимов, контролировавшийся тушинцами. В это же время воевода направил сотню нижегородских стрельцов во главе с Ф.С. Мостининым в Юрьевец, где население уезда было приведено ими к крестному целованию на имя В. Шуйского. Затем отряд Ф.С. Мостинина принимал участие в боевых действиях в Костромском уезде (что косвенно подтверждается отпиской костромского воеводы Н. Вельяминова гетману Я. Сапеге от 1 (11) мая 1609 г.).

Конец мая 1609 г. — «большой полк» боярина Ф.И. Шереметева в количестве 3,5 тыс. воинов прибыл в Нижний Новгород. К Шереметеву переходит верховное командование действовавшими в регионе военными силами, верными московскому правительству В. Шуйского. Оставаясь с основными силами в Нижнем, Ф.И. Шереметев отправлял мобильные отряды для очищения окрестностей от тушинцев.

23 мая (2 июня) 1609 г. — отряд во главе с письменными головами Я.И. Соловцовым и Ф. Есиповым и головой стрельцов Б. Синцовым послан

Ф.И. Шереметевым из Нижнего Новгорода для приведения населения Закудемского стана Нижегородского уезда к присяге на имя В. Шуйского. Вскоре отряд, действовавший в окрестностях Нижнего Новгорода до 31 мая (10 июня) 1609 г., разбил «изменников» в с. Помры.

1 (11) июня 1609 г. — сотня М.И. Соловцова отправлена под Юрьевец, которому угрожал польско-литовский отряд А. Лисовского. Однако действия сотни, которую поддерживали юрьевецкие и балахонские «даточные люди» (местное ополчение), оказались неудачными: А. Лисовский нанес им поражение, овладев Юрьевцем и угрожая Балахне и Городцу.

14 (24) июня 1609 г. — находившиеся во Владимире нижегородские отряды отбили атаки тушинских сил во главе с суздальскими воеводами Ф.К. Плещеевым, А.З. Просовецким и ротмистром Сумой, отстояв город ценою больших потерь.

Конец июня 1609 г. — Ф.И. Шереметев отправил из Нижнего Новгорода под Юрьевец значительный отряд во главе с М.И. Соловцовым, Б.А. Износковым и Т.С. Остреневым. У переправы через Волгу, примерно на полпути между Юрьевцем и с. Решма, отряд разгромил тушинцев, которыми командовали воевода И.Ф. Наумов и А. Лисовский.

Июль 1609 г. — Ф.И. Шереметев с основными силами выдвинулся из Нижнего Новгорода в Муром, но после получения грамоты из Москвы направился вниз по Оке к Касимову — центру сосредоточения сил вассального от России татарского царя Ураз-Мухаммеда, приверженца Лжедмитрия II.

1 (11) августа 1609 г. — по приказу Ф.И. Шереметева нижегородский отряд во главе

с Я. Соловцовым захватил перевозы у Елатьмы и Касимова, чем решил судьбу города. Через несколько дней, в первых числах августа (точная дата неизвестна), Касимов был освобожден от тушинцев.

Начало сентября 1609 г. — Ф.И. Шереметев с основными силами (включая отряды из Нижегородского края) прибыл во Владимир для организации похода к Москве, снятия осады с Троице-Сергиевского монастыря и соединения «ближ Москвы» с войсками М.В. Скопина-Шуйского, двигавшегося из Новгорода Великого.

7 (17) сентября 1609 г. — Ф.И. Шереметев предпринял попытку освободить Суздаль (последний оплот тушинцев в регионе), но потерпел поражение от войск А. Лисовского и, понеся значительные потери, отступил во Владимир.

17 (27) сентября 1609 г. — Ф.И. Шереметев отправил голов (командиров отрядов) Я.И. Соловцова и Б.А. Износкова в волости Владимирского уезда для приведения населения к присяге на имя В. Шуйского.

Октябрь — начало ноября 1609 г. — войска Ф.И. Шереметева, находясь во Владимире, готовились к походу к Москве; местом встречи с войсками М.В. Скопина-Шуйского была определена Александрова слобода; 27 октября (6 ноября) 1609 г. во Владимир была прислана грамота из Москвы от правительства В. Шуйского о предстоящей выплате жалованья служилым людям.

Середина ноября 1609 г. — войска Ф.И. Шереметева соединились с войсками М.В. Скопина-Шуйского в Александровой слободе.

В течение зимы 1609—1610 гг. объединенная рать в упорных боях очистила от приверженцев

Лжедмитрия II окрестности Москвы и в марте 1610 г. вступила в столицу. Сразу по прибытии в Москву нижегородские служилые люди были отпущены домой. Видимо, к марту 1610 г. «Городовой совет» в Нижнем Новгороде прекратил существование. На это косвенно указывают изменения в перечне адресатов правительственных грамот: если в феврале — марте 1610 г. адресатами каждого указа из столицы являются воеводы кн. Александр Андреевич Репнин и кн. Алексей Михайлович Львов, представитель местных дворян Дмитрий Савинович (по другим источникам «Саввич») Жедринский, дьяк Василий Семенов, то уже с конца марта упоминается только приказная администрация (воеводы и дьяк).

Тем временем на подступах к Нижнему Новгороду, долгое время остававшемуся без военного прикрытия, вновь активизировались тушинцы, центром сосредоточения которых был Арзамас. Судя по сохранившимся известиям, уже в октябре 1609 г. в Нижнем был «всполох» от «воровских людей». Возможно, тогда же произошел упоминаемый в источниках бой кн. А.М. Львова (ставшего вместо А.С. Алябьева нижегородским «воеводой в поле») с «воровскими казаками и черемисой» у с. Ельня. Возвращение нижегородских служилых людей позволило дать отпор тушинцам.

Апрель — май 1610 г. — Нижний Новгород осажден крупными силами тушинцев («конные и стрелковые») во главе с кн. Р.Ф. Троекуровым, П. Бутурлиным и Ю. Соловцовым. Нижегородцы на вылазке разбили тушинцев и отогнали их от города.

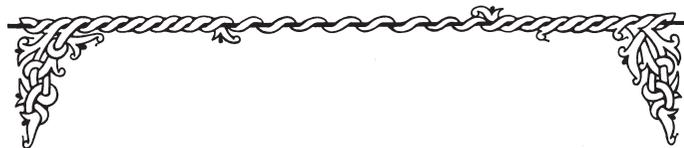
Июнь 1610 г. — прибытие в Нижний Новгород из Москвы военных отрядов во главе с воеводами

кн. В.Ф. Мосальским, С. Чевкиным, Я.С. Прокудиным, В.В. Аничковым. Объединенная рать во главе со вторым нижегородским воеводой кн. А.М. Львовым выступила из Нижнего Новгорода на Арзамас.

Середина июня 1610 г. — нижегородская рать во главе с воеводой кн. А.М. Львовым взяла приступом Арзамас — последний оплот тушинцев в регионе. Арзамасский воевода-тушинец Ф.А. Киреев был убит, а командир одного из тушинских отрядов Ю. Соловцов повешен (известие о взятии Арзамаса было получено в Москве 29 июня (9 июля) 1610 г., что и служит основанием датировки события).

Вторая половина июня 1610 г. — нижегородская рать во главе с воеводой кн. А.М. Львовым очищала окрестности Арзамаса от тушинцев, разгромив отряды Г.И. Кашкарова и П. Кушника.

К началу июля 1610 г. нижегородским отрядам удалось закрепить достигнутый успех, приведя население края к присяге на верность царю Василию Шуйскому. Но сокрушительное поражение правительственных войск от польско-литовских войск гетмана Жолкевского в Клушинской битве (недалеко от Вязьмы) 24 июня (4 июля) 1610 г. свело на нет все успехи в Нижегородском Поволжье. В июле 1610 г. нижегородцы получили распоряжение оставить Арзамас и немедленно выдвинуться на защиту Москвы от наступавших польско-литовских войск. В походе их застало известие об отречении Василия Шуйского от престола, и нижегородские отряды были возвращены домой. Этим завершился первый этап боевых действий нижегородцев в период Смуты.

2. УЧАСТИЕ НИЖЕГОРОДЦЕВ В СОЗДАНИИ ПЕРВОГО ОПОЛЧЕНИЯ

(конец 1610 — первая половина 1611 г.)

Традиция управления Российским государством, сложившаяся в средние века, допускала возможность временной передачи всей полноты власти в стране Боярской думе (термин введен историками; в Древней Руси этот орган управления самоназвания не имел). Обычно Боярская дума принимала на себя полномочия верховного правителя в случае малолетства государя: в этом случае через некоторое время из состава Думы назначались регенты (так было, например, после смерти Дмитрия Донского, 1389 г.). Иногда умирающий государь мог сам назначить регентов для малолетнего наследника, но опять-таки из состава Думы, в которую кроме собственно бояр входили и высшие церковные иерархи (так поступил, например, царь Василий III в 1533 г.). В особых случаях Боярская дума принимала на себя верховную власть в стране специально для созыва Земского собора: такое, например, произошло в 1598 г., когда после смерти царя Федора Ивановича пресеклась династия Калитовичей и пришлось выбирать нового царя (Бориса Годунова).

Именно так действовала Боярская дума и после июля 1610 г., когда войска царя Василия

Шуйского потерпели поражение под Клушино от гетмана Жолкевского и военные силы Речи Посполитой стремительно наступали на Москву, причем не менее серьезной угрозой для столицы оставались отряды Лжедмитрия II. Царь Василий был немедленно отстранен от престола и насильно пострижен в монахи, Боярская дума приняла на себя верховное управление в Русском государстве, очень быстро собрала представителей всех «чинов» москвичей и духовенства, а также установила связь с близлежащими регионами, заручившись их поддержкой своих решений. В итоге состоялся ограниченный по составу участников, но вполне легитимный августовский Собор 1610 г., заключивший соглашение с гетманом Жолкевским (имевшим на это полномочия) о приглашении на русский престол наследника польского престола королевича Владислава на условиях личной унии (так называемый «Собор у Чертольских ворот»); при этом от Владислава требовалось принятие православия и недопущение в Россию польских советников и войск. Условия были приемлемы для обеих сторон, и Русская православная церковь в лице патриарха Гермогена поддержала это соглашение. Специалисты, изучавшие этот вопрос по русским и польским источникам, подчеркивают, что договор о призвании Владислава на трон был заключен не кучкой «изменников-бояр», а всеми чинами русского общества, бывшими на тот момент в Москве, которые ожидали от этого договора прекращения Смуты и сохранения территориальной целостности Русского государства.

Как известно, августовское соглашение 1610 г. было нарушено королем Речи Посполитой Сигиз-

мундом III, который открыто заявил о нежелании выполнять условия договора. Военные действия (в том числе осада Смоленска) продолжались; Владислав на трон не прибыл; делегация Думы, отправившаяся к королю для выяснения спорных вопросов, была задержана поляками и оказалась на положении пленных. В плен попали не только низложенные братья Шуйские, но и видный боярин В.В. Голицын, «тушинский» патриарх Филарет (Ф.Н. Романов) и др. Власть была обезглавлена; Москву заняли польско-литовские войска, установив фактически режим оккупации. Номинально государством управляла Боярская дума («семибоярщина») от имени королевича (так оформлялись официальные документы), на самом же деле решения принимал наместник польского короля в Кремле. Эта ситуация стала очевидной для всех россиян уже к ноябрю 1610 г., но традиционные схемы выхода из кризиса (оказавшегося системным) были исчерпаны.

В условиях паралича столичных органов власти управление государством оказалось децентрализовано и сосредоточилось в регионах («уездах»). В каждом уезде Русского государства в тот период существовали орган административного управления — приказная (или «съезжая») изба, и органы местного хозяйственного самоуправления и судебные — земская изба, губная изба. Однако кризис затронул и приказные избы, потому что администрация каждого уезда (воевода, дьяк) назначалась верховным правителем. В конце 1610 г. в уездах находились воеводы и дьяки, поставленные кто «семибоярщиной», кто Василием Шуйским, а кто еще и Лжедмитрием II. Типичной в этом смысле

была ситуация в Нижегородском уезде, которым, по отрывочным сообщениям источников, во второй половине 1610 г. управляли воеводы стольник кн. А.А. Репнин, А.С. Алябьев, В.В. Аничков, назначенные правительством В. Шуйского; в 1611 г. первым воеводой стал окольный кн. В.А. Звенигородский — ставленник «семибоярщины» (окольничество получил от Сигизмунда). Доверием такая администрация не пользовалась, а полномочия органов местного самоуправления ограничивались решением преимущественно хозяйственных вопросов. Поэтому организовывать управление на местах пришлось непосредственно «миру», то есть всем лично свободным людям.

В Смутное время выборные представители уездных «миров» неоднократно собирались для обсуждения злободневных вопросов. Инициатива таких собраний, судя по косвенным упоминаниям источников, могла исходить как от органов самоуправления, так и от неформальных лидеров. Именно это произошло к концу осени 1610 г. в Рязани, где из-за Смуты администрация уже давно не действовала, а вся полнота власти принадлежала очень энергичному и авторитетному представителю рязанского «служилого города» Прокофию Петровичу Ляпунову, происходившему из незнатного провинциального дворянства. Как известно, Ляпунов стал инициатором созыва ополчения для освобождения Москвы от польско-литовских оккупантов, заручился поддержкой патриарха Гермогена и разослал соответствующие призывы по регионам. К началу 1611 г. ополчение (впоследствии получившее условное наименование «первое») было создано, и в его состав, наряду с прочими, вошел

нижегородский «служилый город».

Источники, крайне отрывочные и неполные, позволяют утверждать, что Нижний Новгород в этот период вновь оказался среди наиболее активных приверженцев восстановления российской государственности, показав примеры самостоятельного государственного строительства. После избрания Владислава на русский трон нижегородцы в августе — сентябре 1610 г. присягнули ему, оставаясь верными политическому принципу: «Кто будет на Москве государь, тот всем нам государь». Вместе с тем, к самому избранию польского королевича нижегородцы отнеслись негативно: об этом свидетельствует тот факт, что «служилые по отечеству» всего уезда не обращались к королю Сигизмунду за подтверждением своих прав и за пожалованием новых поместий и вотчин. Но как только выяснилось, что король Сигизмунд в нарушение условий мира сам предполагает занять российский трон, нижегородцы одними из первых поддержали идею созыва ополчения и освобождения Москвы от польско-литовских захватчиков.

Святейший патриарх Всея России Гермоген.
Гравюра по картине
В.М. Васнецова, 1911

К концу 1610 г. в Нижнем Новгороде возобновил свою деятельность «Городовой совет». Неизвестно ни одной грамоты этого периода, подписанной только приказной администрацией: все сохранившиеся документы вновь идут от имени «властей» (духовенства), воевод и дьяков, «служилых людей по отечеству и по прибору», от посадских людей. При этом посланцами Нижнего Новгорода практически всегда были представители двух социальных слоев — «служилых по отечеству» (то есть местного дворянства) и посадских. Эти социальные слои и сыграли, видимо, решающую роль в последующих событиях.

Хронологию событий приходится восстанавливать по отрывочным упоминаниям источников, где немало пропусков информации. Основное значение имеют свидетельства о переписке нижегородского «Городового совета» с патриархом Гермогеном, находившимся в оккупированном поляками Московском Кремле, и с другими городами Поволжья.

Конец декабря 1610 г. — сын боярский Роман Пахомов и посадский человек Родион Мосеев посланы с грамотой от нижегородцев к патриарху Гермогену. 12 (22) января 1611 г. посланцы вернулись в Нижний Новгород со словесным наказом патриарха идти «в собраньи со всеми городами... к Москве на литовских людей». Известно, что письменная грамота патриарха Гермогена в Нижний Новгород от 8 (18) января 1611 г. была перехвачена поляками (предъявлена русским послам на переговорах 1615 г.).

Январь 1611 г. — Нижний Новгород открыто восстал против поляков. «Городовой совет» разо-

слал грамоты в Кострому, Галич, Вологду, Рязань «и в иныя города» с призывами прислать в Нижний «для договору и о добром совете людей добрых изо всех чинов» и «собрався с ратными людьми и с нами с околными городами сослався, стати за православную веру и за Московское государство, на польских и на литовских людей, заодин».

27 января (6 февраля) 1611 г. — в Нижнем Новгороде была получена грамота патриарха Гермогена с призывом собрать ополчение для освобождения Москвы («собрався с околными и с Поволскими городами, однолично идти на польских и на литовских людей к Москве вскоре»). Одновременно была прислана грамота из Рязани от Ляпунова о том же. Эти призывы нижегородцы разослали по городам, уведомив о своей поддержке.

8 (18) февраля 1611 г. — Нижний Новгород первым начал отправку военных отрядов в состав формируемого ополчения. Судя по сохранившемуся известию, во Владимир, где собирались полки, были отправлены наиболее боеспособные нижегородские части: дворянская конница, служилые иноземцы, все стрельцы (из-за неполноты источников восстановить персональный состав участников ополчения невозможно).

Около 17 (27) февраля 1611 г. — из Нижнего Новгорода в поход выступили главные силы «понизовых городов» во главе с первым нижегородским воеводой кн. А.А. Репниным; во Владимир войска прибыли 1 (11) марта 1611 г.

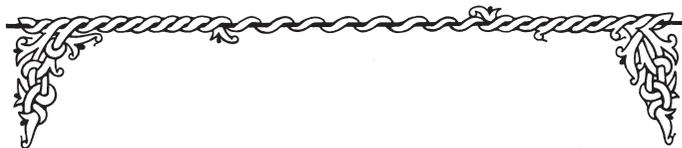
10 (20) марта 1611 г. — объединенная рать выступила из Владимира к Москве, куда прибыла не позднее конца марта, соединившись с другими отрядами ополчения.

Руководителями ополчения в условиях отсутствия легитимной центральной власти стали «самовыдвиженцы»: П.П. Ляпунов (пожалованный титулом «думный дворянин» еще Василием Шуйским), представитель аристократии кн. Д.Т. Трубецкой (Гедиминович, получивший «боярство» от Лжедмитрия II) и казачий атаман И.М. Заруцкий (также «боярин» Лжедмитрия II). Для обеспечения исполнения своих решений руководители первого ополчения создали органы управления — приказы (по образу и подобию столичных, контролировавшихся поляками), а сами стали чем-то вроде Временного правительства — до освобождения Москвы и избрания законного царя.

Однако не все участники ополчения признавали полномочия этого правительства: казачество по-прежнему стремилось решать все вопросы на своем кругу (то есть всем «миром»), к тому же, как известно, обострились противоречия между казаками и «служилыми городами», так что действия «первого» ополчения оказались неудачными. Москву освободить не удалось, П. Ляпунов был убит на казачьем кругу, ополчение превратилось в трудно управляемые подмосковные «таборы» («атаманье», по выражению патриарха Гермогена) и начало затяжную осаду столицы, попутно грабя и разоряя близлежащую округу. Особое возмущение патриарха вызывала готовность «воровских» казаков выкликнуть на своем кругу нового самозванца (таким стал Лжедмитрий III — «псковский вор») или присягнуть малолетнему сыну Марины Мнишек от Лжедмитрия II («царевичу Ивану Дмитриевичу», «Маринкиному сыну», «воренку»).

«Служилые города» (дворянские конные отряды), в том числе и нижегородский, начали покидать ополчение, видимо, уже летом. Известно, что в конце июня — начале июля 1611 г. часть нижегородских стрельцов и дворян была отправлена в составе отрядов Бахтеярова и А. Просовецкого для защиты Суздаля и Переяславля от набегов Сапеги. 29 июля (8 августа) 1611 г. голова нижегородских дворян М.И. Соловцов был назначен руководителем ополчения воеводой в Ядрин; первый нижегородский воевода кн. А.А. Репнин был тогда же назначен воеводой в Свияжск (и, видимо, вскоре умер, так как в источниках больше не упоминается). Усилившееся противостояние «земских людей» (дворян) и казаков привело к тому, что в августе—сентябре все нижегородские отряды вернулись домой. В списке находившихся в ополчении дворян от 3 (13) ноября 1611 г. — ни одного нижегородца; нет их и среди получавших жалованье от Трубецкого и Заруцкого.

В итоге к началу 1612 г., по оценке специалистов, у Д.Т. Трубецкого оставалось порядка 3 тыс. воинов. Но созданные ополчением приказы продолжали действовать, и в стране сохранялось двоевластие: в регионы направлялись указы и грамоты от столичных бояр («под диктовку» польских военачальников) и указы и грамоты руководителя ополчения Д.Т. Трубецкого, которого поддерживала значительная часть регионов, не признавших власть поляков.

3. СОЗДАНИЕ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ ВТОРОГО ОПОЛЧЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

(осень 1611—1612 г.)

В условиях распада государства, гражданской войны и всеобщей Смуты осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде началось создание так называемого «второго» ополчения. К сожалению, из-за неполноты источников детально восстановить этот процесс невозможно. Приходится анализировать косвенную информацию — послания нижегородцев в другие уезды, воспоминания современников. Достоверно известно лишь, что инициатива обсуждения ситуации в стране и начала мобилизации сил исходила от представителя посадского населения Кузьмы Минина, избранного около 1 сентября 1611 г. земским старостой (то есть руководителем земской избы — органа хозяйственного самоуправления тяглого населения уезда; земский староста избирался обычно на 1—2 года). Версия о том, что инициатива исходила от архимандрита Троице-Сергиевского монастыря Дионисия, не подтверждается источниками: в троицких грамотах содержатся лишь призывы помочь «первому» ополчению

кн. Д.Т. Трубецкого. Решающая роль воззваний патриарха Гермогена второй половины 1611 г. также маловероятна: судя по сохранившемуся пересказу его грамот, в них, кроме гневных обличений поляков, содержался лишь запрет ставить на царство «Маринкина сына». Наконец, утверждения о решающей роли выходцев из Смоленска и других западнорусских служилых людей, пришедших в Нижний Новгород, следует

решительно отвергнуть, так как смоляне прибыли в Нижний после начала деятельности К. Минина.

Скорее всего, земская идея второго ополчения, приведшая к созданию «Совета всея земли», оформилась не сразу. Косвенные свидетельства сохранившихся источников позволяют выявить три этапа развития этой идеи:

Этап 1. Сентябрь—ноябрь 1611 г. — в Нижнем Новгороде население опасалось возможности захвата и разграбления города и уезда польско-литовскими отрядами (из Москвы) либо

*Кузьма Минин,
Грибковитин. Нижегородский,
портрет
Друцкий, Загорский.*

Кузьма Минин.
Гравюра начала XIX века

«воровскими» казаками, которые вообще никому не подчинялись. Видимо, земский староста Кузьма Минин и его сторонники выдвинули идею найма служилых людей и создания отрядов самообороны, оплачиваемых из городской казны. Это объясняет поддержку Кузьмы Минина и его призывов со стороны не только посадских, но и дворян, которые не могли не понимать губительных последствий налета «воров» на город. Это объясняет и отсутствие противодействия со стороны воеводской администрации («приказной избы»): земский староста не выходил за пределы своих полномочий.

Для найма служилых людей нижегородцы уполномочили Кузьму Минина собирать «третью деньгу» (то есть треть состояния). По косвенным сообщениям источников, эти деньги были большей частью добровольными пожертвованиями, но имел место и принудительный заем с богатых торговцев с последующей выплатой из казенных доходов (сохранилось свидетельство «гостя» Г. Строганова о том, что деньги были взяты у «торговых людей», и когда Д. М. Пожарский «из Нижнего Новгорода пошел под Москву, и нижегородцы посадские люди те свои деньги из таможенных и из кабацких доходов взяли назад»). Как отмечают исследователи, выдвинутые нижегородцами два основных принципа сбора необходимых средств на общегосударственные нужды — доленое участие и сочетание добровольности и принудительности — неоднократно применялись русским правительством и после завершения Смуты.

В качестве реальной военной силы было решено пригласить дворян и детей боярских из захваченных поляками уездов Смоленской земли. Смоля-

не, опытные воины, были пожалованы руководителем «первого» ополчения кн. Д. Т. Трубецким поместьями в Арзамасском уезде взамен утраченных, но не были приняты арзамасцами и оказались в затруднительном положении. Их-то и позвал К. Минин для защиты Нижнего Новгорода: «...Из Нижнева Новгорода посацкие люди к ним присылали, чтоб к ним в Нижней пришли, и как смоляне в Нижней Новгород пришли, земской староста посацкой человек Кузьма Минин и все посацкие люди приняли смолян честно и корм им и лошадем стали давать довольно и всем их покоить...» (в этом известии «Карамзинского хронографа» примечательно подчеркивание роли посадского населения в важнейшем вопросе управления краем).

26 октября (5 ноября) 1611 г. смоленские служилые люди вышли из Арзамаса в Нижний Новгород. По расчету, они должны были прибыть в город не позднее начала ноября (по другим источникам, они прибыли в Нижний 6 (16) января 1612 г., но, возможно, речь идет об отдельных отрядах).

*Князь Дмитрий Михайлович
Пожарский,
Боярин.*

Князь Д. М. Пожарский.
Гравюра начала XIX века

Этап 2. Конец ноября 1611 г. — январь 1612 г. Судя по тексту грамоты в Курмыш (26 декабря 1611 г. (5 января, по новому стилю)) и другим косвенным источникам, в Нижнем Новгороде был создан и активно действовал «Приказ ополченских дел» во главе с воеводами Д.М. Пожарским и И.И. Биркиным и дьяком В. Юдиным (но не К. Мининым), занимавшийся формированием ополчения. Этот приказ, однако, не подчинял себе воеводскую администрацию и не пытался диктовать ей свою волю: между обоими органами власти было разделение сфер компетенции (то же и с земской избой, чем можно объяснить отсутствие имени К. Минина в грамоте на Курмыш). В своих грамотах руководители ополчения подчеркивали, что формируют отряды в помощь «подмосковным полкам» — ополчению Д.Т. Трубецкого, но не торопились обозначать свою самостоятельность.

Постепенно вокруг Д.М. Пожарского и К. Минина возник совет, в который вошли авторитетные представители «служилго города» (князь И.Д. Болховской), местного духовенства (архимандрит Печерского монастыря Феодосий и протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Евфимьев), приказного аппарата (дьяк Василий Юдин). Лишь после того, как подмосковные «таборы» целовали крест «псковскому вору» (Лжедмитрию III) и разложение войск Д.Т. Трубецкого стало очевидным, руководители второго ополчения открыто заявили о самостоятельности своих действий.

Этап 3. Не позднее начала февраля 1612 г. — рассылка из Нижнего Новгорода грамот от имени не воеводской администрации, а созданного

по инициативе нижегородцев и на основе «Городового совета» принципиально нового органа государственной власти. Этот орган, на первых порах не имевший названия, действовал от имени нижегородского «мира» и набранных на службу людей. Решения («приговоры») этого органа поддерживала Казань, а чуть позже — Кострома и Ярославль, что привело к «единомыслию» «низовых» и «верховых» городов. Важнейшим из решений стало создание нового «земского» ополчения, обозначившего свою самостоятельность от ополчения кн. Д.Т. Трубецкого и подмосковных «таборов».

Окончательно новый орган государственной власти — «Совет всея земли» — оформился в Ярославле, где наряду с руководителями «второго» ополчения Д.М. Пожарским и К. Мининым в его состав вошли оказавшиеся за пределами Москвы представители столичной знати (в том числе боярин В.П. Морозов, подписывавшийся первым на документах «Совета»). Все это позволило «Совету» стать действенным Временным правительством России и создать эффективный приказный аппарат, работа которого продолжалась до избрания на царство Михаила Романова (февраль 1613 г.). Круг вопросов, решавшихся «Советом», был весьма разнообразен: мобилизация военных сил и укрепление обороноспособности регионов; организация снабжения ополчения и выплата жалования ратным людям; кадровые перестановки и назначения; упорядочение государственной службы, с определением норм поместного оклада и урегулированием земельных споров; разбор жалоб населения. Косвенные упоминания последующих десятилетий показывают, что «Совет» подготовил и направил в регионы

сотни документов различной тематики, в том числе и по текущим вопросам жизнедеятельности.

Примечательно, что, судя по тексту сохранившихся грамот, инициаторы созыва ополчения избегали националистических лозунгов: преобладало понятие «вся земля», а русское православное население не противопоставлялось другим поданным Русского государства. В конечном счете это обстоятельство обеспечило поддержку К. Минину и Д.М. Пожарскому мусульман и служилых иноземцев («немцев и литвы» — протестантов и католиков), воевавших в составе ополчения.

Первоначальной целью ополчения, судя по грамотам в Вологду и Вычегду, был Суздаль, однако угроза «верховым» городам со стороны «воровских казаков» из состава ополчения Д.Т. Трубецкого заставила Д.М. Пожарского изменить планы и избрать направление на Ярославль. Хронология дальнейших событий реконструируется следующим образом:

Вторая декада (или середина) февраля 1612 г. — из Нижнего Новгорода выступил передовой отряд ополчения во главе с князем Дмитрием Петровичем Лопатой-Пожарским (дальний родственник Д.М. Пожарского) и дьяком Семейкой Самсоновым.

Конец февраля или первая декада марта 1612 г., не ранее 23 февраля (4 марта), — начало похода основных сил ополчения из Нижнего Новгорода по маршруту: Балахна — Юрьевец — Решма — Кинешма — Плесо — Кострома — Ярославль.

Время начала похода определяется по ряду косвенных свидетельств: в частности, в разрядных за-

писях Баима Болтина упомянуто о выступлении в начале «великого поста» (начавшегося в 1612 г. 23 февраля по «старому стилю»; год високосный). Благодаря быстрым и решительным действиям Д.М. Пожарскому удалось опередить одного из руководителей подмосковных «таборов» И.М. Заруцкого и установить контроль над «верховыми» городами.

Не позднее 14 (24) марта 1612 г. — ополчение вошло в Кострому. Здесь Д.М. Пожарский заменил воеводу И.П. Шереметева, лояльного Боярской думе в Москве (то есть «семибоярщине» и полякам, действовавшим от ее имени), назначив новую администрацию — воеводу кн. Р.И. Гагарина и дьяка А. Подлесова. Это назначение стало одним из первых кадровых распоряжений нового общерусского правительства. С Костромы была собрана «дань» по «уставу» К. Минина и организован набор на службу костромских дворян (К. Минин «служивым людям, костромичам, с ратными людьми идти повеле»).

Около 15 (25) марта 1612 г. — на сторону ополчения перешла приказная администрация Переславля-Залесского во главе с воеводой А.Ф. Палицыным.

Около 15 (25) марта 1612 г. — Д.М. Пожарский отправил из Костромы отряд стрельцов под командованием кн. Р.П. Пожарского в Суздаль, чтобы не допустить захвата и разорения города «воровскими казаками» из отряда братьев Просовецких. В грамоте воевод «второго» ополчения «русские воры» из подмосковных «таборов» «первого» ополчения впервые поставлены в один ряд с польско-литовскими захватчиками.

Около 1 (11) апреля 1612 г. — ополчение Д.М. Пожарского прибыло в Ярославль.

Апрель—июль 1612 г. — ополчение находилось в Ярославле.

Этот период имел большое значение в истории «второго ополчения». Именно тогда окончательно оформилась его политическая программа: борьба против интервентов, освобождение Москвы, созыв Земского собора и решение на нем вопроса о престолонаследии (об этом свидетельствует сохранившаяся грамота от 7 (17) апреля 1612 г.). Тогда же завершилось формирование организационных структур; войско пополнилось новыми отрядами и особенно артиллерией. Власть «Совета всея земли» (персональный состав которого реконструирован учеными по сохранившимся документам) признали Замосковский край, Понизовые и Поморские города. Вожди ополчения от имени «Совета» вступили в дипломатические контакты со шведами в Новгороде Великом, стремясь не допустить войны на два фронта (против поляков и шведов). В этот же период:

Апрель—май 1612 г. — отдельные отряды, посланные вождами ополчения из Ярославля, разбили и изгнали «воровских казаков» из Углича, Кашина, Пошехонья.

6 (16) июня 1612 г. — начало контактов руководителей «первого» и «второго» ополчений: князь Д. Трубецкой и И. Заруцкий из подмосковных «таборов» направили послание Д.М. Пожарскому в Ярославль.

Между 24—29 июня (4—9 июля) 1612 г. — переговоры в Ярославле Д.М. Пожарского и его соратников с новгородской делегацией: обсуждение

статуса Новгорода Великого, оккупированного шведами, и вопроса об избрании шведского принца на всероссийский престол. Руководителям ополчения удалось временно нейтрализовать Новгород и избежать боевых действий на два фронта.

Вторая половина июля 1612 г. — отправка из Ярославля к Москве передового отряда М.С. Дмитриева и Ф. Левашова (400 всадников); отряд прибыл 24 июля (3 августа) 1612 г., построив укрепление («острожек») у Петровских ворот Москвы.

2 (12) августа 1612 г. — прибыл под Москву второй отряд ополченцев во главе с кн. Д.П. Лопатой-Пожарским (700 всадников), укрепившись у Тверских ворот.

27 июля (6 августа) 1612 г. — основные силы ополчения выступили из Ярославля к Москве. Общая численность, по разным подсчетам, составляла до 10 тыс. служилых людей (дворян и стрельцов) и 2,5 тыс. казаков.

20 (30) августа 1612 г. — ополчение под руководством Д.М. Пожарского прибыло под Москву, заняв позиции у Арбатских ворот.

Руководители «второго ополчения» сознательно постарались отделить свои отряды, в которых преобладали служилые люди (дворяне и «дети боярские»), от «первого ополчения», состоявшего преимущественно из казаков и бывших «тушинцев». Отношения между руководителями обоих ополчений оставались напряженными: казаки неприязненно относились к хорошо снаряженным воинам Д.М. Пожарского, которые, в свою очередь, обвиняли их в грабежах и разбоях. Эта разобщенность проявилась и впоследствии, во время военных действий.

21 (31) августа 1612 г. — польско-литовское войско гетмана Яна Кароля Ходкевича подошло к Москве, остановившись у Поклонной горы. Целью гетмана было оказание помощи польскому гарнизону, блокированному и осажденному ополченцами в Москве. По подсчетам исследователей, у Ходкевича было порядка 5 тыс. конных и пеших воинов, а также 8 тыс. запорожских казаков-«черкас» (впрочем, запорожцы не рискнули вступить в сражение, предпочтя наблюдать со стороны) — то есть несколько меньше, чем у Д.М. Пожарского. Однако боевая подготовка польских гусар и европейской пехоты была значительно выше, чем у русских ополченцев. Этим и объясняются последующие упорные бои и значительные потери с обеих сторон.

22 августа (1 сентября) 1612 г. — сражение польско-литовских войск гетмана Ходкевича с ополчением Д.М. Пожарского.

Ополченцы заняли оборону и в тяжелых боях, продолжавшихся весь день, сумели остановить поляков, выбив пехоту и заставив конницу спешиться. При этом отряды «первого ополчения» отказались помочь сражавшимся, заняв выжидательную позицию. Лишь к концу дня пять конных сотен из войска Д. Трубецкого пришли на помощь ополчению, нанеся полякам внезапный удар и вынудив их отступить.

23 августа (2 сентября) 1612 г. — обе стороны готовились к новому сражению. Попытка поляков скрытно провести обоз с продовольствием осажденному в Кремле польскому гарнизону была сорвана казаками.

24 августа (3 сентября) 1612 г. — второе сражение польско-литовских войск гетмана Ходкевича с ополчением Д.М. Пожарского.

В ожесточенном бою полякам удалось прорвать оборону ополченцев, вынудив их к вечеру отступить. Положение спас К. Минин, лично возглавивший ночную контратаку и отбросивший поляков.

25—27 августа (4—6 сентября) 1612 г. — отдых после боев; происходили лишь разрозненные стычки небольших отрядов.

28 августа (7 сентября) 1612 г. — польско-литовские войска гетмана Ходкевича, понеся потери в предыдущих боях и не имея подкреплений, отступили от Москвы, послав осажденному польскому гарнизону призыв продержаться три недели до подхода помощи.

Оставшиеся под Москвой русские отряды «первого» и «второго» ополчений продолжали осаду польского гарнизона, в котором оставалось до 4 тыс. воинов.

5 (15) сентября 1612 г. — попытка бояр — бывших «тушинцев» усилить противоречия между ополчениями; неудачная попытка организации покушения на Д.М. Пожарского.

10—11 (20—21) сентября 1612 г. — Д.М. Пожарский направил осажденному в Москве польскому гарнизону предложение капитулировать, но получил отказ.

13 (23) сентября 1612 г. — русские войска предприняли попытку штурма Москвы, но были отбиты поляками и в последующие дни продолжали осаду.

22 сентября (2 октября) 1612 г. — ополченцы Д.М. Пожарского установили артиллерийскую батарею у Пушечного двора, начавшую бомбардировку Кремля.

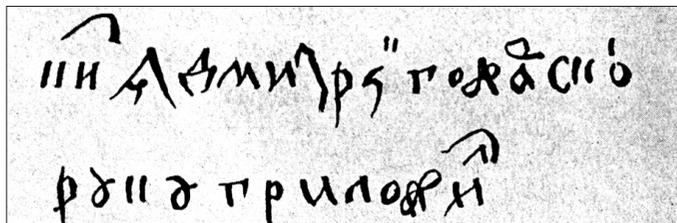
Конец сентября, после 25 сентября (4 октября) 1612 г. — объединение «приказов» (канцелярий) «первого» и «второго» ополчений.

Сентябрь 1612 г. — поляки, осажденные в Москве, выслали из города мирных русских жителей (женщин, стариков, детей), чтобы сохранить продовольствие. Среди осажденных в это время начался голод, принявший к концу октября страшные формы (каннибализм и поедание трупов упомянуты в воспоминаниях современников).

22 октября (1 ноября) 1612 г. — в Московском Китай-городе начались переговоры вождей ополчения с командирами польского гарнизона (полковник Николай Струсь, ротмистр Осип Будила) об условиях капитуляции осажденных поляков. Во время переговоров казаки, а также воины из ополчения Д.М. Пожарского без приказа устремились на приступ Китай-города. Поляки, не имея подкреплений и сил для сопротивления, после непродолжительного боя отступили в Московский Кремль; общие потери с обеих сторон были невелики.

23—25 октября (2—4 ноября) 1612 г. — затишье после освобождения Китай-города; продолжение осады Московского Кремля.

26 октября (5 ноября) 1612 г. — были согласованы условия капитуляции польского гарнизона (всем сдавшимся вожди ополчения гарантировали жизнь). Одновременно поляки выпустили из Кремля московских бояр — руководителей «семибоярщины» и номинальных (от имени польского короля) правителей России. Среди выпущенных из Кремля бояр был М.Ф. Романов с матерью. Опасаясь мести со стороны рядовых ополченцев, рас-

ши Дамиръс" пожако
рѣи ѿ трилоуи

Собственноручная роспись князя Д.М. Пожарского.

Репродукция

смаатривавших «семибоярщину» как изменников, практически все вышедшие из Кремля бояре немедленно покинули Москву, уехав в Ярославль, Кострому и другие города, контролировавшиеся «Советом всея земли».

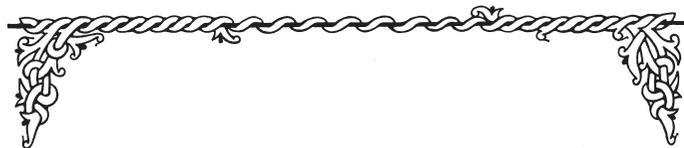
27 октября (6 ноября) 1612 г. — капитуляция польского гарнизона Москвы; русские воины вступили в освобожденный Кремль.

28—31 октября (7—10 ноября) 1612 г. — очищение улиц и храмов Москвы, оскверненных поляками.

1 (11) ноября 1612 г. — в ближайшее после освобождения Москвы воскресенье состоялись крестный ход и благодарственный молебен.

Следует оговорить, что понятие «польские» или «польско-литовские» войска, применяемое в научных и популярных публикациях, — условность. Правильнее было бы говорить о войсках Речи Посполитой — государства, объединявшего Польшу, Литву, Украину, Белоруссию (при главенстве Польши). Документы свидетельствуют, что воины Речи Посполитой, служившие в Московском

гарнизоне, полках гетмана Я. Ходкевича и других отрядах интервентов, по этнической принадлежности (национальности) были не только поляки, но и литовцы белорусы, украинцы, а также «немцы» (западноевропейские наемники) и русские. В религиозном отношении среди них, по-видимому, преобладали католики, но немало было и православных; отмечается и некоторое количество протестантов. (Так, например, части, входившие в состав Московского гарнизона, почти все были восточно-белорусского формирования, где православное население составляло большинство). Русское ополчение также было многонациональным и поликонфессиональным: кроме преобладавших по численности русских (православных), здесь воевали татары и башкиры (мусульмане), «служилая литва» и «служилые немцы» (протестанты и католики). Война России и Речи Посполитой носила, таким образом, не национальный, а отчетливо межгосударственный характер. Ожесточением обеих сторон в этой войне объясняются многие кровавые эксцессы, в частности, судьба капитулировавшего гарнизона, которому гарантировали жизнь. Однако часть сдавшихся была перебита казаками Д. Трубецкого; уцелели лишь сдавшиеся Д.М. Пожарскому (позднее они оставались в плену в Нижнем Новгороде до обмена пленных в 1618 г.).

4. ЗАВЕРШЕНИЕ СМУТЫ (1613 — начало 1619 г.)

После освобождения столицы многие ополченцы, в том числе нижегородцы, покинули Москву и вернулись в свои города, считая задачи ополчения выполненными. В распоряжении Д.М. Пожарского в Москве осталось порядка 2 тыс. дворян, 1 тыс. стрельцов и свыше 4,5 тыс. весьма ненадежных казаков. Между тем, в конце ноября 1612 г. к Москве подходил с войском польский король Сигизмунд. Ситуация вновь стала критической, и Д.М. Пожарский обратился с воззваниями по городам, призывая ратных людей на помощь Москве. Благодаря его энергичным действиям поляков удалось остановить на подступах к столице. Узнав, что польский гарнизон в Кремле уже капитулировал, Сигизмунд отступил.

В итоге к концу 1612 г. «Совет всея земли», возникший по инициативе К. Минина и Д.М. Пожарского, одержал решающую победу — установил контроль над столицей Русского государства. В Москве и регионах успешно восстанавливалась российская государственность; появилась реальная возможность созвать Земский собор для избрания царя. Подготовка к его созыву проходила в конце 1612 — начале 1613 г. в обстановке упорной политической борьбы. Ополчения («первое» и «второе»)

были распущены, а их руководители вытеснены из столичных органов управления.

После обсуждения различных кандидатур на Земском соборе 7 (17) февраля 1613 г. в цари был назначен Михаил Федорович Романов, который и был торжественно провозглашен царем 21 февраля (3 марта) 1613 г. (оформление грамоты о его избрании затянулось до июля 1613 г.). С момента избрания Михаила Романова царем полномочия «Совета всея земли» прекратились.

Судя по сохранившимся документальным материалам (грамоте, летописным сообщениям и «Повести о соборе»), Земский собор 1613 г. представ-

Царь Михаил Федорович в окружении бояр и духовенства.
Гравюра. Начало 1910-х гг.

лял не все регионы страны. Смоленск и западные земли России были оккупированы поляками, а Новгородская земля — шведами; Московское правительство не контролировало Казанский край, Астрахань и Нижнее Поволжье; связь с далекой Сибирью оставалась номинальной; на Рязанщине своевольное казачество во главе с И.М. Заруцким подняло мятеж и начало широкомасштабные военные действия, продолжавшиеся больше года и закончившиеся казнью наиболее активных мятежников. В 1614—1615 гг. происходили волнения казаков под Тихвином; восставшие (4,5 тыс. казаков) во главе с атаманом Баловнем (М.И. Баловнев) сумели дойти до Москвы, где путем переговоров мятеж удалось прекратить (атаман и ряд его сторонников в июле 1615 г. были казнены). Однако волнения казаков не прекратились и позднее. В 1615 г. по русским землям совершил дерзкий набег крупный конный отряд (около 1200 всадников) польского полковника Александра Лисовского, опустошивший многие уезды Русского государства. Попытки русских воевод во главе с Д.М. Пожарским отбить нападение «лисовчиков» успеха не имели: отряд почти без потерь успешно вернулся в Речь Посполитую.

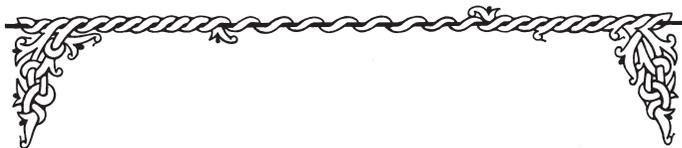
В этот период не снижалась и социальная напряженность, в первую очередь, противостояние дворян и крестьянства (сохранились многочисленные документы о разорении вотчин и убийствах их владельцев). Длительное время продолжались и национально-религиозные волнения в Поволжье, ярким примером которых было восстание татар и черемисов (марийцев) в 1616 г. В расследовании обстоятельств этого восстания участвовал К. Минин,

получивший высокий чин «думного дворянина»; народный герой умер в том же году при возвращении из Поволжья. Не прекращались набеги на южнорусские земли крымских татар и ногаев. Отражая одно из нападений, в 1616 г. погиб воевода сторожевого полка М. Дмитриев, ранее возглавлявший передовой отряд в ополчении Минина и Пожарского под Москвой.

В силу всех этих обстоятельств Смута в Российском государстве продолжалась и после освобождения Москвы еще в течение шести лет, во время которых русские правительственные войска неоднократно терпели поражения и вновь побеждали. Последним испытанием Смуты стал поход войск Речи Посполитой на Москву в 1618 г. Основные силы (шляхетскую конницу, наемную пехоту и мятежных русских казаков) вел из Смоленска через Калугу королевич Владислав; одновременно с юга через Коломну нанесли удар запорожские казаки («черкасы») во главе с гетманом Петром Кононовичем («Конашевичем») Сагайдачным. В тяжелых оборонительных боях ценой больших потерь русские войска сумели измотать и ослабить силы интервентов. В обороне Москвы принимали активное участие нижегородские служилые люди, многие из которых были пожалованы вотчинами «за московское осадное сиденье в королевичев приход».

Героические боевые действия русских полков вынудили поляков после неудачной осады Москвы приступить к переговорам. В итоге 1 (11) декабря 1618 г. было заключено Деулинское перемирие на 14,5 лет между Россией и Речью Посполитой, по которому Россия утратила западные земли и

29 городов (включая Смоленск). Ранее, 27 февраля (9 марта) 1617 г. Россия заключила мирный договор со Швецией, уступив Ижорскую землю и выход к Балтийскому морю и выплатив контрибуцию, но вернув себе Новгород. В течение зимы 1618—1619 гг. войска царя Михаила разоружили отдельные мятежные отряды в центре и на севере России, в том числе очистили Ярополческую волость, соседствовавшую с Балахнинским уездом (сохранились документы о бесчинствах мятежников). К февралю 1619 г. военные действия на территории Русского государства прекратились, что и стало окончанием Смутного времени.

Необходимое послесловие

Участникам научных и просветительских конференций, бесед и встреч с общественностью, посвященных российской истории начала XVII в., слушатели в последние годы все чаще задают два вопроса: что такое Смута и каковы ее исторические уроки? Вопросы эти предельно конкретны, а значит, ответы на них тоже должны быть конкретными, хотя на научных конференциях они, как правило, остаются «размытыми» в докладах (как говорится, «в связи и по поводу»). Между тем интерес общества к истории Смуты, вызванный, прежде всего, недавно учрежденным государственным праздником, побуждает эти ответы обозначить здесь, в «необходимом послесловии».

1. Что такое Смута?

Выражение «Смута» (или «Смутное время») для обозначения событий в России в начале XVII в. появилось уже в трудах современников этих событий, пытавшихся их осмыслить. Понимание это было поначалу только образным: «Пучина слез рыдания». Постепенно оформились различные научные объяснения и даже целые концепции Смуты. Важнейшие из них (перечисляю в хронологическом порядке, по мере возникновения концепций):

1. Столкновение аристократических родов, вызванное династическим кризисом.

Такое понимание Смуты характерно для российской исторической науки до 1917 г., рассматривавшей события начала XVII в. с точки зрения дома Романовых. Странники этой концепции (например, Д.И. Иловайский) справедливо обращали внимание на борьбу боярских кланов Годуновых и Романовых после смерти царя Федора Ивановича (последнего в династии московских Рюриковичей — Калитовичей), а далее утверждали, что захват власти Борисом Годуновым и опала на Романовых привели к Смуте и что борьба за возвращение Романовым престола стала основным содержанием Смуты.

Официальная монархическая (проромановская) подоплека такой концепции совершенно очевидна. Ее слабое место — преувеличенное внимание к боярским усобицам (которые бывали и раньше, но никогда не приобретали такого размаха, как в начале XVII в.) и замалчивание глубоких социальных конфликтов, приводивших к широким общественным движениям (мятежам, восстаниям), отнюдь не прекратившимся с воцарением Михаила Романова.

2. Социально-классовая борьба.

Такое понимание Смуты открыто проявилось после 1917 г. в трудах историков-марксистов, старавшихся преодолеть монархические мифы дореволюционных историков и публицистов. Странники данной концепции впервые справедливо обратили внимание на социально-классовые противоречия, которые буквально раздирали Московское государство в начале XVII в. и привели

к столь масштабным событиям. Подчеркивалось, что Смута — «борьба народа против угнетателей».

В развитии этой концепции можно выделить два этапа. Поначалу (1920 — нач.1930-х гг.) Смута рассматривалась как «борьба русского торгового капитала противрусскойже демократической революции и польского империализма» (М.Н. Покровский и его школа). В качестве героев родной истории рассматривались крестьяне и казаки, К. Минин становился лидером «торгового капитала» и т. п. Абсурдность подобных взглядов не требует комментариев. Где-то ко второй половине 1930-х гг. в результате более углубленного изучения источников наметилось иное объяснение (И.И. Смирнов): центральное событие Смуты — это крестьянская война под руководством И. Болотникова, а остальное (иностранная интервенция и освободительная борьба под руководством К. Минина и Д.М. Пожарского) рассматривалось как неизбежное следствие подавления крестьянской войны.

Сильной стороной этой концепции является внимание к столкновению интересов разных социальных слоев (сословий, классов) Московского государства, так что за период 1930—1970-х гг. в научный оборот были введены сотни интереснейших документальных и летописных источников. Но именно эти источники выявили и слабость концепции: Смуту нельзя свести только к классовой борьбе, восстание И. Болотникова нельзя рассматривать вне разного по социальной природе движения в поддержку Лжедмитрия II, и к тому же сама эта «крестьянская война» явно не может считаться центральным событием Смуты.

3. *Народно-освободительная борьба против внутренних и внешних врагов.*

Эта концепция стала оформляться в процессе преодоления псевдомарксистских взглядов М.Н. Покровского. Критика школы Покровского (вторая половина 1930-х гг.) совпала по времени с резким обострением международной обстановки. Конкретно для осмысления Смуты решающую роль сыграли враждебные отношения с Польшей, занимавшей в период 1920—1939 гг. откровенно антисоветскую позицию. В итоге к 1939 г. в исторической публицистике ополчение К. Минина и Д.М. Пожарского «пошло в наступление», и аналогии между агрессивной политикой Речи Посполитой и панской Польши не заставили себя ждать. Ученые (В.И. Пичета) были более сдержаны в суждениях и, опираясь на труды наиболее серьезных дореволюционных исследователей Смуты (С.Ф. Платонов, П.Г. Любимиров), постарались сформулировать «составное» объяснение: Смута — это освободительная борьба народов России против крепостничества («первая крестьянская война под руководством И. Болотникова») и внешней агрессии (борьба против польско-литовской и шведской интервенции).

Такое понимание Смуты стало каноническим для советской историографии, в том числе для преподавания в школе и вузе. Сильные стороны концепции очевидны, но были и «подводные камни». Серьезные сомнения вызывала эта пресловутая «крестьянская война»: для ее обоснования приходилось «ломать» источники, так что все свидетельства о социальном протесте (в том числе казаков и служилых людей) а priori рассматривались как восстание крестьян. Необъяснимой загадкой становилось казачество в Смутное время. Постепенно приходило осознание того, что казаки — это не крестьяне и не ремесленники («городской пролетариат средневековья»), и социальные

интересы всех этих групп отнюдь не совпадали. Все это сделало неизбежным дальнейшее осмысление Смуты в трудах историков.

4. Гражданская война.

Такое понимание Смуты было предложено и очень основательно аргументировано с опорой на большое количество не известных ранее источников видным историком А.Л. Станиславским в конце 1980-х гг. Этот талантливый исследователь, к сожалению, безвременно умерший в 1990 г. в возрасте 50 лет, шел от изучения истории казачества в Смуту и предшествовавший период. Свои взгляды он обосновал в наиболее полном виде в книге «Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории» (М., 1990; издана посмертно). Суть концепции: Смута — это гражданская война «всех против всех», порожденная социальным кризисом начала XVII в.

Такое понимание довольно быстро было принято большинством специалистов по истории Смуты, так как позволяло объяснить, почему в событиях 1605—1618 гг. участвовали практически все социальные слои (а не только основные классы) Московской Руси — служилые люди всех групп (от бояр до «служилых по прибору»), городской посад, крестьяне, казаки. Вдобавок такой взгляд на Смуту позволял учитывать социальные волнения и восстания после 1612 г., когда польско-литовские захватчики уже были изгнаны из Москвы. Однако, по мнению оппонентов (Б.Н. Флоря), в объяснении Смуты необходимо больше внимания уделить иностранной интервенции, давшей новый виток гражданской войне.

5. Крестовый поход Запада против Руси.

Данная концепция характерна прежде всего для церковных историков и православных публицистов. Ее сторонники исходят из того, что в период вмешательства Речи Посполитой и Швеции в русские события Московская Русь — государство православное — противостояла странам, где государственной религией были католицизм и протестантизм соответственно. В качестве доказательства обычно обращают внимание на многочисленные и хорошо известные факты грабежа и разгрома православных храмов и монастырей польско-литовскими захватчиками, а также на публицистику периода Смуты — послания церковных деятелей (например, Авраамия Палицына), призывы постоять за веру православную в воззваниях при формировании ополчений и т. д.

Действительно, конфессиональное противостояние имело место в средние века, и в период Смуты оно обострилось. Польские источники свидетельствуют, что король Сигизмунд III, ярый католик и поклонник испанского абсолютизма, вынашивал планы полного подчинения России и превращения ее в колонию (на манер испанской Вест-Индии). Впрочем, те же источники позволяют утверждать, что Сигизмунд и его сторонники составляли незначительное меньшинство в обществе Речи Посполитой. Большинство магнатов и шляхтичей надеялись через династическую унию и подтверждение имущественных и сословных прав русским феодалам, а также через сохранение главенства Русской православной церкви на территории Московии обеспечить более или менее постепенное и «плавное» вхождение российской государственной территории в состав

Речи Посполитой (моделью становилось Великое княжество Литовское и Люблинская уния 1569 г.; напомним, что открытые гонения на православие в Речи Посполитой относятся все-таки к более позднему времени — не ранее второй трети XVII в.). Швеция вообще готова была предоставить России под властью шведской короны самую широкую автономию, включая неприкосновенность православия. Свое вторжение в русские земли шведы объясняли необходимостью противодействовать своим врагам-полякам, но никак не борьбой против православия (да и фактов такой борьбы «с той стороны» практически нет: шведское командование последовательно старалось предотвращать даже почти неизбежные грабежи и проявления недисциплинированности своих солдат).

Все это свидетельствует о слабости концепции «крестового похода», но дело не только в этом. Вновь и вновь подчеркну: судя по сохранившимся источникам, все стороны международного конфликта были поликонфессиональны. Так, в войне Яна Петра Сапеги, гетмана Лжедмитрия II, православные преобладали, и это признавал сам гетман («У нас в рыцарстве болшая половина русских людей», то есть в тогдашней польской терминологии, православных); корпус Яна Кароля Ходкевича — белорусского формирования (Могилевщина и Гомельщина, где православное население всегда преобладало); приданные Ходкевичу запорожские казаки («черкасы» русских источников) — православные все без исключения (напомним, что по оценке специалистов в 1612 г. на 5 тыс. воинов Ходкевича приходилось 8 тыс. запорожцев). В 1618 г. при наступлении коро-

левича Владислава на Москву в его войске («калужское направление») численно преобладали казаки донские и волжские — практически все русские православные (там были и «юртовские казаки» — ногайцы, мусульмане, но их процент был невелик), а поддерживавшее Владислава запорожское войско гетмана П.К. Сагайдачного («тульское направление», до 20 тыс. всадников) — православные все до единого (замечу в скобках: это опровергает утверждения некоторых современных публицистов о том, что сотрудничество заметного количества коренного населения России с оккупантами имело место только в период Великой Отечественной войны по причине политики Советской власти (отсюда делаются попытки стыдливого оправдания изменников Родины). Напротив, такое происходило и в 1618 г., и даже ранее, причем количество русских сторонников польского королевича было весьма значительным, что, разумеется, никак не может служить для них оправданием].

Так что у Владислава в 1618 г. католики оказались в меньшинстве, а надо учесть еще и то, что среди наемной европейской пехоты было немало протестантов, были они и среди польской шляхты. Кроме того, источники — и русские, и польские — однозначно свидетельствуют, что наиболее вопиющие зверства в отношении и мирного русского населения, и православной церкви совершались запорожцами-«черкасами»: это они составляли основу отрядов Александра Лисовского (кстати, его приверженность католицизму относительна: «батяка Алесь» не верил ни в Бога, ни в черта, но происходил он из белорусского православного шляхетского рода), это они абсолютно преобладали в «загоновых» отрядах,

рыскавших по русским землям в 1613—1615 гг., это они во главе с Сагайдачным прошли огнем и мечом по русским землям в 1618 г., оставляя после себя выжженную пустыню...

В составе вооруженных отрядов Русского государства, участвовавших в событиях Смуты, количественно доминировали, разумеется, православные, однако большое значение имели «служилые немцы» и «служилая литва», среди которых были протестанты (это надежно документировано по Нижнему Новгороду) и даже католики — этнические поляки (случаи единичны, но тем не менее...). Служилые иноземцы попали на русскую службу зачастую еще до Смуты и, будучи профессиональными воинами, сыграли заметную роль в боевых действиях. Они воевали, например, в ополчении Д.М. Пожарского, при этом атаку конных сотен в решающем сражении за Москву возглавлял польский перебежчик — панротмистр Павел Хмелевский. Еще более многочисленными были служилые татары — мусульмане. В ополчениях под Москвой в 1612 г. их было немного, но в 1613—1614 гг. служилые татары (преимущественно касимовские, во главе со своими князьями и мурзами) активно участвовали в разгроме отрядов мятежника И.М. Заруцкого. В итоге приходится констатировать, что вооруженные силы Московской Руси также были поликонфессиональны. Попытки же объяснить восстание И. Болотникова, движения Илейки Муромца, Истомы Пашкова, действия П. Ляпунова, волнения народов Поволжья и т. п. польско-католическими интригами вообще не выдерживают критики.

Таким образом, конфессиональный фактор в изучении событий Смуты нельзя ни недооце-

нивать, ни переоценивать, однако рассматривать Смуту как крестовый поход католическо-протестантского Запада против православной Руси все же нет оснований. В событиях 1610—1618 гг. следует видеть конфликт межгосударственный, а не религиозный.

Таковы основные концепции Смутного времени. Несколько поколений историков спорили о том, что это такое: борьба аристократических кланов, война крестьянская или гражданская, происки извне. В каждой из этих точек зрения есть элемент истины, но в абсолютизированном виде они становятся упрощением или даже искажением реальных событий. Очевидно, Смута — слишком сложное явление, и определение ее должно быть составным, учитывающим сильные стороны имеющихся концепций. На мой взгляд, правомерно следующее определение:

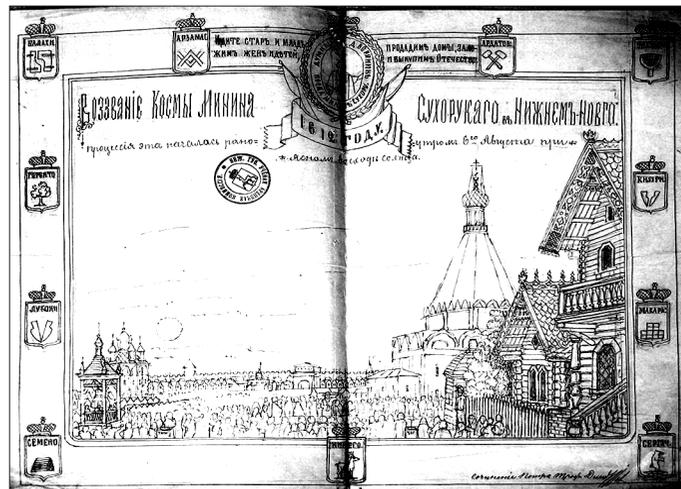
Смута (Смутное время) — хронологический период в истории России примерно с 1604 г. по начало 1619 г., включавший в себя глубокий системный кризис (то есть кризис экономический, социальный, политический, династический) в 1604—1606 гг., гражданскую войну, осложненную интервенцией, в 1607—1610 гг., освободительную борьбу Российского государства против Речи Посполитой и Швеции в 1611—1619 гг.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что само начало освободительной борьбы в 1611 г. не привело к немедленному прекращению войны гражданской: напротив, гражданская война продолжалась, и ее эпизодами были противостояние казаков и «служилых по отечеству» в подмосковном ополчении

в 1611 г., действия отрядов И.М. Заруцкого в 1613—1614 гг., мятеж атамана Баловня в 1615 г., «Вязниковский лагерь» казаков в 1618 г. Видимо, корректнее утверждать, что с 1611 г. «центр тяжести» Смуты постепенно смещается с войны гражданской к войне межгосударственной.

II. Исторические уроки Смуты

Над историческими уроками Смуты впервые начали размышлять сами участники событий начала XVII в. Их, судя по сохранившимся литературно-публицистическим памятникам, волновали два вопроса: почему такое произошло и как избежать повторения подобного? Пережитые ужасы неизбежно обуславливали преобладание эмоций над осмыслением, но любопытно, что очевидцев Смуты не устраивало традиционное, присущее средневековому человеку стремление объяснить события Божественным провидением («наказание за согрешения», «по поущению Божию за грехи наши»). Постепенно возникло осознание двух очень важных вещей, отчетливо проявившееся, например, во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева. В первых, был «открыт» человеческий характер: каждый человек, в том числе и правитель, очень сложен, и его личность включает в себя стороны темные и светлые, сильные и слабые, положительные и отрицательные (до этого в Древней Руси и вообще в традиционном средневековом обществе человек воспринимался либо как полностью положительный, либо как полностью отрицательный). Это дало возможность объективно анализировать эпоху и творивших ее людей. Во-вторых, была

Краткое историческое предание (рисунки П.Т. Дмитриева) «Возвание К. Минина к нижегородцам и выход ополчения 16 февраля 1612 г. из Нижнего Новгорода». 1890 г.

осознана недопустимость равнодушия общества к преступлениям властей. Но если Иван Тимофеев рассматривал этот грех применительно к правлению Бориса Годунова («Не смолчи мы в свое время перед злодеяниями Бориса, не было бы и зол Смутного времени»), то Авраамий Палицын пошел далее, называя «сомкнутые уста всего мира» во время злодеяний Ивана Грозного «безумным молчанием» («...Еже о истине к царю не смеюще глаголити»). Последующие поколения развили мысли современников Смуты, так что сегодня, на мой взгляд, в качестве важнейших исторических уроков событий 1604—1619 гг. можно назвать следующие:

1. Ответственность общества перед властью.

Смута породила невиданный доселе эгоизм — прежде всего, социальный, а также территориальный, клановый и иной. Служилые люди всех слоев — бояре, дворяне, дети боярские, казаки — переставали служить государству и начинали действовать во имя собственных социальных (групповых) интересов, нисколько не задумываясь о том, чем оборачиваются их действия для России. Мало того: служилые люди, например, южнорусских территорий («городов от польской украины») стремились получить преимущества перед служилыми людьми «замосковных городов» и наоборот. Боярский клан Годуновых — Сабуровых — Вельяминовых не на жизнь, а на смерть боролся против кланов Романовых — Шереметевых — Черкасских, а также Шуйских—Рюриковичей и Мстиславских — Гедиминовичей, втягивая в свою борьбу массы людей. В этой борьбе все оказывалось против всех, стремясь урвать свое и не свое. Даже временный успех одной из противоборствующих сторон приводил к стремлению не закрепить этот успех, а не опоздать к раздаче благ — так было при дворе Лжедмитрия I, в тушинском лагере Лжедмитрия II, под Смоленском у Сигизмунда (и не смущались, что вотчинами жалует исконный враг!), в таборах «первого ополчения» и т. д. Один из самых вопиющих фактов — действия приказных чиновников во исполнение указа царя Бориса Годунова о бесплатной раздаче хлеба из царских житниц голодающим: приказные начали явочным порядком этот хлеб продавать, после чего в хлебные спекуляции пустились все кому не лень, включая духовенство...

Вражда, порожденная стремлением к выгодам «не по чину», разделила семьи, «служилые города» (территориальные военные корпорации), уезды некогда единого государства. Как следствие, рушились принципы верной службы: присяга превращалась в пустой набор слов (кому только не целовали крест в Смутное время!), а измена и клятвопреступление стали нормой. Крестьяне и посадские, веками привыкшие видеть в служилых людях защитников от внешней угрозы, увидели в них врагов и грабителей, а служилые, веками воспитывавшиеся в традициях защиты мирного населения, увидели в этом мирном населении удобный объект для грабежа. По выражению одного из современных исследователей И.Л. Андреева, «Смута в стране обернулась смутой в головах».

В итоге сама власть (и царский трон в частности) превратилась в игрушку в руках временщиков и политических авантюристов, в предмет торга для всякого рода проходимцев. Справедливо подмечено, что происходила эволюция мотивов достижения власти: все начиналось с красивых слов об общенародном благе, а заканчивалось своекорыстным стяжательством, низменным желанием посадить в Кремль своего, который поможет поделить между своими все богатства и т. п. Потеря совести неизбежно привела к разгулу дикой и бессмысленной жестокости.

И в этом смысле события начала XVII в. — хронологически первые, но отнюдь не уникальные в истории России. Следует вспомнить события начала XX в. (иногда в публицистике именуемые «второй русской Смутой»). Для этого хронологического периода также требуется «составное» определение: Первая мировая война (1914—1918 гг.), переросшая в результате революции 1917 г. в войну Гражданскую (1918—1920 гг.),

сопровождавшуюся иностранной интервенцией и затем приобретшую черты освободительной войны против чужеземных захватчиков (польская кампания 1920 г., освобождение Приморья от японцев в 1922 г., бои против финнов в Карелии и т. п.). А ведь начиналось-то примерно так же: чудовищный эгоизм всех слоев общества, исподличавшихся к 1914 г. до последней степени (эгоизм социальный, территориальный, политический, национальный и в несколько меньшей степени религиозный), привел к падению всех нравственных устоев общества, так что власть, по образному выражению В.И. Ленина, «валялась в грязи»; отсюда разгул дикости и жестокости, и как следствие — страстная жажда диктатуры (и внутреннее на нее согласие), чтобы гарантированно остановить кровавый кошмар...

2. Ответственность власти перед обществом.

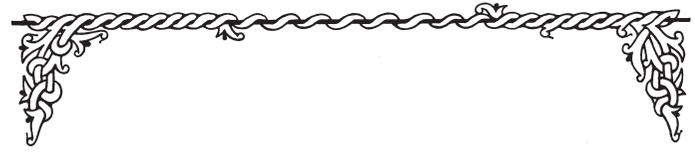
Смута начала XVII в. выявила полное пренебрежение правящей элиты к интересам всех остальных сословий и социальных групп. При этом современники осуждали элиту («Господское свое происхождение променяли на рабское служение») и самих правителей (Бориса Годунова — «за гордыню и высокоумие», Василия Шуйского — «из боярского рода самовольно... без Божьего благословения», «царствовал бесчестно и кратковременно»). Правители легко давали обещания и столь же легко отступались от них, в результате чего власть утрачивала свой престиж и оборачивалась безвластием. Добавьте к этому непрофессионализм управленческих решений, полное презрение к интересам и самой жизни подданных (типичный пример — карательный

разгром Комарицкой волости в 1605 г., сопоставимый с Новгородским погромом Ивана Грозного).

Четко осознававшаяся на протяжении веков необходимость сочетания административного управления с самоуправлением (территориальным и сословным) была предана забвению. Но ведь в итоге насаждавшаяся из Москвы «вертикаль власти» (столичные приказы и уездные приказные избы, укомплектованные назначенными из Москвы управленческими кадрами — воеводами и дьяками) оказалась неспособна противостоять распаду этой самой власти. Лишь органы самоуправления (земские избы) и созданные «всем миром» чрезвычайные органы власти («городовые советы») сумели в 1611—1612 гг. подготовить благоприятные условия для возрождения государственности — чтобы потом опять «почить в Бозе», будучи вытесненными приказной администрацией. Но цена управленческих ошибок всегда слишком высока...

Размышления книжников XVII в. об ответственности властей перед обществом за совершенные в период Смуты злодеяния подытожил советский историк А.И. Яковлев: «Вследствие грехов правителей расстроились отношения между ними и подданными, а отсюда беды Смуты».

Взаимная ответственность общества перед властью и власти перед обществом — главный исторический урок Смуты. Стало ясно, что корысть верхов или низов нельзя умерить только силой (тому доказательство — трагическая судьба Прокопия Ляпунова): нужно осознание того, что единство подразумевает взаимные уступки, готовность и умение договариваться (кстати, в полной мере присущие

Д.М. Пожарскому), а порой даже требует жертвенности. Такое осознание сложилось лишь к 1612 г., и за это пришлось заплатить дорогой ценой. А потому очень хочется, чтобы этот исторический урок оказался выученным нашими современниками, в том числе и благодаря новому государственному празднику — Дню народного единства.

И последнее замечание. В смутные времена бывает, что земляк, говорящий с тобой на одном наречии и исповедующий одну с тобой веру, становится злейшим врагом, а иноземец встает рядом с тобой на последнем рубеже, готовясь в бою защитить твой дом и твою семью. Так было под Нижним Новгородом в ноябре—декабре 1608 года, так было под Владимиром в июне 1609 года, так было под Москвой в августе 1612 года — так было много раз и во многих местах России. И трудно бывает порой понять, кто враг и кто друг и чью сторону надо принять. Но опыт изучения событий Смутного времени приводит к двум выводам, имеющим принципиальное значение в духовно-нравственном воспитании граждан. Во-первых, никогда нельзя служить чужеземным захватчикам. Никакие, даже самые благие помыслы или горькие обиды не могут извинить пособничество врагам Отечества. И, во-вторых, никогда нельзя становиться карателем. Жизнь К. Минина и Д.М. Пожарского — образец честного служения Отечеству: ни тот, ни другой в тяжелейших условиях гражданской войны не принимали сторону интервентов и не проливали невинную кровь (а поводов было хоть отбавляй!). Это — пример для подражания, но одновременно и суровый приговор истории тем, кто действовал иначе.

Приложение

Текст приводимого ниже документа наглядно показывает, что происходило в регионе Нижегородского Поволжья в период противостояния сторонникам Лжедмитрия II. Даже сквозь обороты делопроизводственного стиля XVII в. видно, насколько ожесточенной была борьба, с каким трудом приходилось отбиваться защитникам Нижнего Новгорода от врагов, взявших город в кольцо. Справка содержит уникальное сообщение об обороне Стрелки 22 ноября (2 декабря) 1608 г.: «изменники из Балахны» пытались захватить располагавшиеся здесь склады с продовольствием и другими запасами, но присланный из Нижнего отряд сумел остановить нападавших и дал время вывезти запасы в Нижний, благодаря чему город смог выдержать осаду. К сожалению, это известие осталось неизвестным нижегородским краеведам, равно как и некоторые детали волнений среди нижегородской мордвы и бортников (здесь назван погибший голова Василий Антончиков), осады Нижнего Новгорода (точные даты и направления приступов) и др. Между тем, справедливость свидетельств М. Ордынцева о своей службе подтвердил его бывший воевода А.С. Алябьев, что придает особую ценность публикуемому документу.

Источник впервые был опубликован в «Вестнике МГУ» за 1969 г., № 2, с. 91—96 («О восстании в Среднем Поволжье и Старом Осколе в 1608—1609 гг.»). Размещен на сайте «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада» (www.vostlit.info).

**Справка о службе сына боярского
Михайла Ордынцова в городах Курмыше и
Нижнем Новгороде в 1606—1609 гг.**

(Составлена в Разрядном приказе в 1622 г.)

«Служба царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси Михайла Ордынцова.

115 году, как приходил под Москву Ивашка Болотников, и в то время на Курмыше и в Цывильском тех городов и уездов всякие люди царю Василью изменили, а Михайла Ордынцова ограбя посадили в земляную тюрьму. И в то же время на Алатыре Ждана Сабурова в воду посадили, а его, Михаила, на Курмыше посадили в земляную тюрьму и сидел три недели, да послали с Курмыша за приставом в Цывильской, а в Цывильском сидел в земляной тюрьме восемь недель. А та его Михайлова служба ведома в Казани и в Свяжском приказе.

Да 117 году сентября 15 день послан Михайло из Нижнево к царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси з денежною казною. И как буде приехав в город Володимер за Ундролом, и в те поры нижегородская мордва и бортники Московко да Воргодинко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси изменили, голову Василья Онтончикова убили и про тое казну подали весть вору под Москвою в Тушино. И Михайло Ординцов по[слы]ша, что нижегородская мордва и бортники государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси изменили, голову Василья Онтончикова убили, и переехав с денежною казною на иную дорогу. И казну довел до Москвы здорово.

Ноября 22 день посылали Михайла Ордынцова из Нижнего воеводы князь Александро Репнин с товарищи за реку Оку на Стрелку, а с ним литву и немец и стрельцы, а велели взяти на государя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси у гостей и торговых людей запасы. И на него, Михайла, приходили изменники из Болохны атаман Тимоха Таскаев, и хотели [в] Стрелку засесть, и Михайло царю Василью служил и запасы с Стрелки вывез в Нижний все сполна и Стрелку выжег для приходу воровских людей.

Да в 117 году ноября 25 день приходили изменники под Нижний Новгород Ондрей Сурвоцкой, да мордвин Варгодин Качинков с товарищи. И была де выласка Ондрею Олябьеву, и на той выласке Михайло Ординцов государю служил и бился явственно.

Да 117 году ноября в 29 день приходили изменники по Московской дороге Ондрей Сурвоцкой с товарищи, и было дело воеводе Ондрею Олябьеву, и на том деле Михайло государю служил и бился явственно.

Да ноября 30 день к Нижнему был приступ в четырех местах: к Печерским, к Никольским, к Ильинским воротам, да от Балахны. И от Печерских ворот была выласка воеводе Ондрею Олябьеву, и на той выласке Михайло царю служил и бился явственно, убил мужика.

Да декабря в 2 день приходили изменники по Болохонской дороге — атаман Тимоха Таскаев с товарищи, да с ним болохонцы и суздальцы и шуяне, и костромичи, и кинешемцы, и юрьевчане, и гороховцы дети боярские и всякие люди с большим нарядом к Нижнему. И на тех воров была

выласка воеводе Ондрею Олябьеву, и на той выласки Михайло Ордынцов государю служил и бился явственно, убил мужика. Изменников побили, и наряд, и знамена и набаты поймали и до Балахны топтали, и Балахну взяли.

Да декабря 5 день приходили к Нижнему, государь, изменники по Арзамасской дороге — Нефед Сабакин с товарищи со многими изменники многих городов, и была выласка воеводе Ондрею Олябьеву, и на той выласке Михайло Ордынцов государю служил, бился явственно, убил мужика, да взял казака Княгининской волости Петрушка Ондреева. И ево, Михайла, на той выласке ранили из лука по правой руке.

Да декабря 9 день было дело в Нижегородском уезде со многими изменники воеводе Ондрею Олябьеву, от села от Ворсмы за пятнадцать верст. И на том деле Михайло Ордынцов государю служил, бился явственно, убил дву мужиков да взял сына боярского нижегородца Ивана Лопатина.

Да декабря 10 день ходили изменники мордвин Воргодин, да Офонька Литомьин с товарищи к селу Павлову на две дороги, час ночи, и было дело под селом Павловым воеводе Ондрею Олябьеву. И Михайло Ордынцов на том деле государю служил и бился явственно, убил мужика.

Да из Нижнего Новгорода Ондрей Олябьев ходил против многих воров князя Семена Вяземского, от Нижнего тридцать верст в село Богородцкое. И генваря 6 день в полночь пришли от князя Семена Вяземского с товарищи многие воровские люди, от Нижнего за двадцать верст в село Бурцево. И в селе Бурцове было дело, и на том деле Михайло государю служил и бился явственно, убил мужика.

Да генваря 7 день было дело под селом Богородцким воеводе Ондрею Олябьеву со князем Семеном Вяземским, и на том деле Михайло государю служил и бился явственно, убил двух мужиков, да взял языков дву человек: арзамасского сына боярского Филимона Лазарева да темниковского казака Гришку Клементьева.

Да февраля 6 день ходил воевода Ондрей Олябьев на многих воров к селу Кадницам, и был бой у села Кадниц за две версты, с воры с арзамаскими детьми боярскими, и с казаки, и с татары, и с черемисою, и с мордвою... И на том деле Михайло государю служил и бился явственно, убил дву мужиков, а трех ранил. Да под ним убили конь рыж, да его, Михайла, ранили по пояснице из лука.

Да февраля 15 день ходил воевода Ондрей Олябьев к городу к Арзамасу, и была выласка из городу из Арзамасу изменнику князю Третьяку Сеитову с товарищи, а с ними многих городов воры, и на том деле Михайло государю служил, бился явственно, убил мужика. Да того же дни был приступ к городу Арзамасу и к острогу. И Михайло государю служил, бился явственно, убил на остроге мужика и казачью слободу зажег.

Да февраля 16 день, как шел воевода Ондрей Олябьев из-под Арзамасу, и на Собакинском лесу приходили государевы изменники — лыжники многие, черемиса и мордва и бортники и всякие воровские люди. И Михайло государю служил, бился явственно, убил мужика, а под ним ранили коня из лука в шею.

Да майя 11 день воевода Ондрей Олябьев ходил из Мурома к Касимову на многих воров, и был бой на речке на Унже, от Касимова верст за десять. И

Михайло государю служил и бился явственно, убил татарина, да татарина касимовского Имамета Бахметева живым взял. И х Касимову воевода Ондрей Олябьев приступил со всеми ратными людьми, и из наряду по острогу стреляли. Ис Касимова воры учинили вылазку и хотели воры взять государев наряд, и Михайло Ординцов о государеве наряде с воры бился явственно, убил мужика, да мужика ранил. И в те поры его, Михаила, с коня збили и коня ранив взяли. А как пришли с заставы с Мошку государевы ратные люди, голова Григорий Резуев с товарищи, и в те поры воевода Ондрей Олябьев со всеми ратными людьми к Касимову приступали. И Михайло Ординцов государю служил, из наряду ис фанкалетов царя Касимовского по хоромам разжигая ядра стрелял, и хоромы его зажег, и на отнимке ис фонкалета убил дву мужиков.

Да июня в 15 день к Володимерю приходили из Суздаля пан Сума, а с ним литва и черкасы и многих городов всякие русские люди и к Володимерю приступали, и из Володимеря была воеводе Ондрею Олябьеву выласка, и на той выласке Михайло государю служил, бился явственно».

Подлинник: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210, Разрядный приказ, Белгородский стол. Стб. 8. Л. 528—535.

Важнейшие публикации источников

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею. Т. 2. 1598—1615 гг. СПб., 1836.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. 1598—1613 гг. СПб., 1841.

Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1846.

Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. (Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XI). Н. Новгород, 1912.

Нижний Новгород в XVII веке. Горький, 1961.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. (Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа). Ч. 1—2. М., 1979.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. (Сост. А.В. Антонов). Т. I. М., 1997; Т. II. М., 1998; Т. III. М., 2002; Т. IV. М., 2008.

(В комментариях к публикуемым документам указаны их шифры и предыдущие публикации).

Рекомендуемая литература по теме

День народного единства: Биография праздника. И.Л. Андреев, В.Н. Козляков, П. Михайлов, В.А. Токарев, Ю.М. Эскин; вступ. ст. В.А. Никонова. — М.: Дрофа, 2009.

(К каждому очерку приложен обширный список источников и литературы по теме).

Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Пг., 1917.

Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20—21 октября 2006 г.). Н. Новгород, 2007.

Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции (24—25 октября 2008 г.). Н. Новгород, 2010.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. — М.: Издательство «Индрик», 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
1. Борьба нижегородцев против сторонников Лжедмитрия I (1608—1610 гг.)	8
2. Участие нижегородцев в создании первого ополчения (конец 1610 — первая половина 1611 гг.)	25
3. Создание в Нижнем Новгороде второго ополчения и восстановление российской государственности (осень 1611—1612 гг.)	34
4. Завершение Смуты (1613 — начало 1619 гг.)	49
Необходимое послесловие	54
Приложение	71
Справка о службе сына боярского Михаила Ордынцева в городах Курмыше и Нижнем Новгороде	72
Важнейшие публикации источников	77
Рекомендуемая литература по теме	78

Борис Моисеевич ПУДАЛОВ

*«Смутное время» и Нижегородское Поволжье
в 1608—1612 гг.*

Историографический очерк

Редактор *Андрей Игорев*
Макет *Полиграфа Чудьева*
Обложка *Геннадия Щеглова*
Корректор *Вера Маркелова*

Подписано к печати 25.05.2011.

Формат 70x100 ¹/₃₂. Гарнитура «SchoolBookC».

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 3,23. Уч.-изд. л. 2,46.

Тираж 500 экз.

Издательство «Книги»

603057 Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2

Отпечатано в типографии «Растр-НН»

603024 Нижний Новгород, ул. Белинского, 61